

САМАЯ ОЖИДАЕМАЯ ВОЕННАЯ КИНОДРАМА ГОДА

ИВАН НАУМОВ

БАЛКАНСКИЙ РУБЕЖ

Иван Сергеевич Наумов

Балканский рубеж

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41887236

Балканский рубеж: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-099646-9

Аннотация

Прошло ровно 20 лет с того дня, как наши десантники в феврале 1999 года взяли приштинский аэропорт. Роман подробно рассказывает об этом событии. Тем, кто только собирается посмотреть или уже посмотрел фильм «Балканский рубеж», будет полезно прочитать эту книгу. Великолепный литературный слог, мастерски прописанные образы героев, острый драматизм и вечный библейский вопрос о Добре и Зле идеально дополняют впечатления от фильма. Автор романа Иван Наумов неоднократно побеждал в литературных конкурсах «Мини-Проза», «Русский Эквадор», «Творческая Мастерская». Югославия. 1999 год. Российская спецгруппа получает приказ взять под контроль аэродром Слатина в Косово и удерживать его до прихода подкрепления. Но этот стратегический объект крайне важен албанскому полевому командиру и натовским генералам. Группа вынуждена принять неравный бой с террористами. К аэродрому устремляются российские миротворцы и силы НАТО. Мир вновь близок к большой войне. Но командиру спецгруппы

Андрею Шаталову не до политики: в аэропорту среди заложников его любимая девушка Ясна...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	28
Глава 3	36
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	72
Глава 7	82
Глава 8	102
Глава 9	113
Глава 10	119
Часть вторая	128
Глава 11	128
Глава 12	142
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Иван Наумов

Балканский рубеж

© Наумов И.С., 2018

© ООО «Апгрейд Вижн», «Балканский рубеж», 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*** * ***

Пролог

*Деревня Лешичи, автономный
край Косово, Югославия*

Январь 1999 года

Недоумение, убеждал себя Драган Милич, комиссар полиции общины Глоговац, все от недоумения! Он размашисто шагал от служебного микроавтобуса вниз под горку по ломкой жухлой траве. Навстречу плыл протяжный собачий вой.

Минуту назад на подъезде к Лешичам словно чужая рука сдавила горло, и не стало возможности ни вдохнуть, ни выдохнуть. Вместо того чтобы велеть Петару остановить машину, пришлось просто ткнуть указательным пальцем перед собой: тормози тут!

Миличу недавно стукнуло семьдесят, но ему было плевать. Возраст не означает ничего, по крайней мере, здесь и сейчас. Молодые умирают чаще стариков. Уж он-то знал наверняка.

Деревня за спиной Милича догорала блеклыми январскими дымками. Из-под черепичных крыш сочились ленивые

сизые завитки, там и тут, домах в десяти. Не такая уж большая деревня. И сгорели пока не все дома. Сербы из Лешичей должны сами сделать правильные выводы и убраться прочь из Косова, освободить место. Тем, кто поджег деревню, все равно, куда подадутся эти сербы – к родственникам в других краях Югославии, на заработки в сытую Германию или просто на тот свет.

Умом Милич понимал логику врага, но сердце не соглашалось признать ее человеческой. Разве люди могут такое делать, спрашивал он себя снова и снова. Недоумение. Брезгливое и безысходное недоумение.

Тропинка к запруде, протоптанная летом, едва угадывалась в присыпанной снегом траве. Милич осторожно откашлялся, прочистил горло, попытался что-то буркнуть себе под нос, но звука по-прежнему не вышло.

У высоких камышей его встретил Марко Окович, новый криминалист, прибывший всего месяц как взамен погибшему. К счастью, Окович заговорил сам, и Миличу оставалось только кивать.

– Не сразу нашли, комиссар. За камышом не разглядишь. Псина привела.

Тропинка петляла по самой кромке воды к полосе чистого речного песка. Милич едва не наступил на собаку. Дворняга дворнягой, хвост в репьях, здоровые уши, коротковатые лапы.

А потом он увидел девушку. Собака сидела прямо над ее

головой и выла, выла, выла, запрокинув голову в серое беспросветное небо.

Тело лежало в воде у самого берега. Какая славная, подумал Милич, разглядывая лицо девушки. Брови вразлет, нежная кожа, ямочки на щеках. Наверное, нет и двадцати. Не было. И не будет.

– Опять скальпелем, – сказал Окович. – Разрез ровный, аккуратный. Рука хирурга.

Милич нагнулся над телом, приподнял окровавленную ткань на животе девушки, обнажил длинную дугу разреза. Собака ненадолго умолкла, посмотрела на Милича, на девушку, лизнула ее в лоб.

– Если из местных, – продолжал криминалист, – значит, оперировали прямо здесь, в деревне. Изъяты печень и почки. Но тут никаких условий. Ерунда какая-то...

Ерунда какая-то, механически повторял Милич, возвращаясь по тропинке в деревню. Ерунда еще какая!

Он откашлялся и попытался произнести это вслух. Невразумительное сипение.

Куда делся голос? Может быть, все дело в ярости? – подумал Милич. У девчушки были бы такие красивые дети. И муж, и дом, и работа, и заботы. И любящие внуки. И спокойная старость – очень, очень не скоро. Бы! Потому что кто-то решил иначе – и надеется остаться безнаказанным.

С новым выдохом из груди Милича вырвался угрожающий низкий рык.

Да, решил он. Пожалуй, все-таки ярость.

* * *

Войдя в Лешичи, Милич словно провалился во времени на пятьдесят пять лет назад. Тогда разрозненные партизанские группировки наконец-то наладили взаимодействие и понемногу начали выдавливать немцев с Балкан. В феврале сорок четвертого отряд, в котором состоял пятнадцатилетний Драган, спустился с гор и первым вошел в оставленную эсэсовцами деревню. Милич позабыл ее название, но навсегда запомнил то, что там увидел. И это было очень похоже на Лешичи.

Редкие наносы снега. Дым из-под стрех. Разбросанные тела. Как будто все одновременно бежали в разные стороны, а потом упали. В сорок пятом верилось: сделано все, чтобы такое не повторилось. Но – вот оно снова. Здесь, в Косове, дома.

Полицейским хватало работы. Приходилось стараться и за пожарных, и за врачей. Из подвального окошка горящего дома только что вытащили пожилого сухопарого мужчину. Милич знал его с незапамятных времен, хотя и не близко. Цветко, школьный учитель. Жив. Повезло.

Фотограф отщелкивал пленку за пленкой. Вспышка отмечала его скорбный путь.

Следователь опрашивал местных жителей. Сбившись в

испуганную стайку, они галдели наперебой, и требовалось терпение, чтобы вычленить из их сбивчивых выкриков достоверную информацию.

– ...Вон оттуда, с холмов! Сначала десять, потом еще десять!

– ...Скажешь тоже. Полсотни, не меньше!

– ...Все с пулеметами, пушками!

С дальнего конца деревни привели под руки полуслепую старуху, уважительно усадили на лавочку у колодца. Милич поспешил к ней, взял ее ладонь в свою.

– Матушка Божена! Волновался, как вы?

Она повернулась к нему на звук голоса.

– Что со мной сделается? Я свое давно отбоялась. А когда страха нет, то и смерть не торопится. – Матушка Божена протянула руку, пригнула Милича к себе, ощупала пальцами его лицо. – И тебя, Драган, она пока сторонится.

– Правильно делает. Я еще сам за ней поохочусь. Люди сказали, вы видели что-то? – Милич всматривался в ее незрячие белесые глаза.

– Змеиные времена, Драган! Дурное время, злые вести. Враг перестал прятаться, он больше не боится. Чужое делает своим. Живое делает мертвым. Его провозвестники повсюду. Некому закрыть им дорогу.

– Что вы видели, матушка Божена? – осторожно спросил Милич.

– Черная женщина идет впереди, торит врагу путь.

Стоящие рядом соседки закивали, зашумели:

– Приезжала... Неместная, на мотороллере, с пути сбилась...

Но набирающий силу голос матушки Божены перекрыл их гомон:

– Чернее угля, чернее ночи, тьма без звезд. Сгнившая изнутри, мертвая душой. Избави... Избави...

На мгновение Миличу показалось, что он видит залитую солнцем дорогу, а на ней черную дрожащую тень, размытый силуэт женщины на мотороллере.

– Как выглядела? – уточнил он. – Рост, худая-толстая? Смуглая или светлая?

– Только дорогу спросила на Глоговац, – уточнила одна из соседок, – волосы под платком, очки от солнца.

Другая дополнила:

– А как уехала, и десяти минут не прошло – бандиты!

Матушка Божена начала едва заметно раскачиваться, погружаясь в какой-то свой мир, то ли предрекая страшное, то ли молясь:

– Простирает крылья! Избави... Избави...

Милич осторожно отпустил ее руку и пошел к крайнему дому – туда подъехал армейский джип.

* * *

В последнее время о политике старались молчать. Общее

ощущение надвигающейся неизбежной беды сводило на нет желание кому-либо что-либо доказывать.

Да, после Второй мировой войны албанцев в крае селилось все больше. Да, другой язык, чужая культура и иная вера. Сербьы окончательно стали меньшинством – разве только на севере края, в Метохии, еще соблюдался паритет. Югославская Федерация казалась готовой к таким вызовам, способной выложить народы и культуры в драгоценную мозаику единого справедливого государства.

Где же произошла ошибка? Когда еще не поздно было хоть что-то исправить?

Полыхнуло, да как! И сначала не в Косове. Хитрым маневром в девяносто первом бескровно отделилась Македония, малой кровью – Словения. А дальше – только ужас и смерть. Хорватия и Босния – многолетняя резня, все против всех, без жалости, до упора. Миротворческие силы – как мазь на обрубки.

Югославия зализала раны, и уже казалось, что худшее позади, когда аккуратно сложенный костерок на юго-востоке разгорелся от умело поднесенной спички. ОАК – Освободительная армия Косова – заявила о своих целях. «Косову – независимость!» – лозунг подхватили дипломаты и журналисты, политики всех мастей и рангов за пределами Югославии. «Косово для косоваров!» – услышали те, кто реально находился рядом. Такое обманчивое эхо.

Банды ОАК ушли из подполья в горы, подпитанные ору-

жием и идеологией из рук щедрых кураторов. Террор нарастал по экспоненте, и, когда все пошло вразнос, югославскому правительству осталось только ввести в край регулярные войска.

У многих думающих людей возникло одинаковое ощущение: ловушка захлопнулась.

Полковник Слободан Брегич воевал за свою землю – на своей земле, так же как его отец в сороковых и дед в десятилетиях. Косово Поле – здесь зародилась сербская идентичность, колыбель и сердце страны. В свои сорок восемь Брегич давно не питал иллюзий о мирных договоренностях с бандитами и прочей дилетантской шелухе. На вверенной ему территории – кусочке священной земли – действовал жестокий и хитрый противник. И у противника было имя.

На беленой стене крайнего дома деревни Лешичи изогнулась багровая загогулина, похожая на змею с разинутой пастью. Бурая тряпка, послужившая художнику кистью, валялась здесь же. А чуть поодаль в бурьяне лежал старик с перерезанным горлом. Крови для живописи вокруг было в избытке.

Брегич смотрел на змею, не отрывая взгляда. Милич остановился у него за спиной.

– Здравствуй, дядя Драган, – не оборачиваясь, сказал Брегич. – Смотри, это снова Смук. У него уши за каждым кустом. Еще вчера здесь стоял наш пост. А как только сняли охранение...

– Здравствуй, Слобо! – ответил Милич. – К Смуку у меня свой счет, не короче твоего.

Брегич убежденно помотал головой:

– Полиции здесь не справиться. Я иду за ним, дядя Драган! Мы доберемся до гнезда Смука и спалим его дотла.

– Иначе и быть не может, – сказал Милич.

Они замолчали каждый о своем, и стали слышны сбивчивые заклинания матушки Божены:

– На всех дорогах кресты и ямы. Земле не родить, и хлебу не зреть... Ни мира, ни покоя, мор и глад. Молнии с неба, огонь из-под земли! Ни жалости в сердцах, ни веры пастырям. Окаянные дни, змеиные времена!

Часть первая

Система координат

Глава 1

*Зона ответственности российского
миротворческого контингента, Босния*

Январь 1999 года

Ветер дул со стороны моря, от далекой северной Адриатики, негостеприимной в это время года. «Вороньи дни» – последняя неделя января, стылая водяная взвесь повисает в воздухе, оседает соленой пленкой на лице, одежде, автомобильном стекле.

Ветер не знал границ – тем более новых границ – и гнал воздушные массы через хорватское побережье за боснийские перевалы к сербским холмам и венгерским равнинам. Мертвая серая трава колыхалась в такт его дыханию. Лужи обрамлялись хрупкими ледяными узорами.

Дорога вилась ниточкой по горному склону, а потом выбралась на плоскогорье, распуталась и вытянулась струной в направлении Обрижского перекрестка.

Защитного цвета «уазик» с черными русскими номерами бодро продвигался по пустынной дороге, объезжая ямы и притормаживая на трещинах в давно не чиненном асфальте. В сотне метров за ним следовал БТР с надписью «SFOR» на обоих бортах.

Сержант Цыбуля уверенно прокладывал траекторию «уазика» между многочисленными препятствиями. В салоне было тепло – даже немного чересчур, но полному ощущению комфорта мешали неудобные вопросы майора Шаталова. Цыбуля уже не чаял добраться до блокпоста, лишь бы только прекратилась историко-географическая викторина.

– Ну что – «так точно», Цыбуля? Ты не увиливай, это со мной не работает. Так как королевство называлось? Сербское?

Цыбуля покосился на Шаталова, пытаясь угадать по его лицу правильный ответ. Куда там! На всякого хитрого сержанта найдется такой вот майор. Глаза чуть прищурены, но смотрит открыто, даже чуть по-детски. Вроде и не улыбается, а как будто через секунду рассмеется. Рожа пиратская: широкоскулая, загорелая, подбородок драчуна. С таким в домино играть не садись. Решился Цыбуля и – как в холодную воду:

– Так точно, товарищ майор! Сербское!

Вздыхнул товарищ майор с глубоким командирским сожалением:

– Нет, сержант. Делаю вывод: ты вчера всю мою пламенную речь в одно ухо впустил, из другого выпустил. А потом еще и помещение между ушами проветрил, чтобы, не дай бог, в нем что-нибудь полезное не задержалось.

– Какое помещение, товарищ майор? Извините, отвлекся, дорога сложная!

Как назло, начался приличный участок шоссе, прямой как стрела и со свеженьким асфальтом. Шаталов с усмешкой взглянул на своего шофера.

– Сербов, хорватов и словенцев. Эс-Ха-Эс. Так королевство называлось. Я же тебя просвещаю, Цыбуля, чтоб ты образованным человеком рос, умственно развивался, а ты саботируешь!

– А боснийцев, Андрей Иванович?

– Что – боснийцев?

– Ну, королевство! Сербов, хорватов... А боснийцев?

На обочине чернел скелет сгоревшего автобуса. И сержант, и майор проводили его взглядом. Цыбуля – задумчиво, представил, как тут все было до прихода миротворцев. А Шаталов – цепко, внимательно: не шевельнется ли в окне или под колесом силуэт стрелка. БТР в зеркале заднего вида повел башней, хищно пошевелил пулеметом, прикрывая «уазик».

– Резонный вопрос, Цыбуля! – неторопливо, по-профес-

сорски продолжил Шаталов. – Не было тогда никаких боснийцев. Потому что это те же сербы, только обращенные в ислам. При турках еще. Название – «бошняки», «боснийцы» – потом уже придумали.

Проснулась рация, затрещала, зашуршала. Сквозь помехи пробился голос лейтенанта Бражникова:

– Черешня, Черешня, прием!

Шаталов взял микрофон:

– Здесь Черешня. Цветем и пахнем. Прием!

– Черешня, рановато зацвели, завтра снова заморозки.

Пришла ориентировка на сараевских друзей: старая белая «Ауди», на заднем стекле желтая наклейка. В машине трое или четверо, предположительно вооружены. Подтвердите получение, прием!

– Подтверждаю, прием.

– Соседям передайте на блокпост. Вы не там еще? Прием.

Шаталов всмотрелся в вырастающие на горизонте постройки.

– Да почти уже...

* * *

Перед блокпостом дорогу перекрывали бетонные блоки. В них упиралась очередь из нескольких десятков легковых и грузовых машин, мотоциклов, подвод. Боснийский регулировщик с царственным видом пропускал их по одной на

извилистую змейку между блоками. Еще трое полицейских досматривали транспорт и пассажиров. Чуть в отдалении переминались с ноги на ногу экипированные по самую макушку американские миротворцы. Бронежилеты до подбородка, каски на глаза, руки на стволах. Гаранты спокойствия и правопорядка.

«Уазик» и БТР вывернули на встречу, огибая очередь. Водители и пассажиры машин дожидались проверки без суеты. Кто-то курил, кто-то дремал за рулем. Там и сям попутчики собирались небольшими стайками, разговаривали, спорили, обсуждали новости, травили байки. Впереди на пригорке топорщились неопрятные навесы дорожного рынка.

– Знаете, товарищ майор, зачем пиндосы ремешки касок так туго затягивают? – спросил Цыбуля.

– Не пиндосы, а наши американские коллеги. Ну? Не от ветра же?

– А чтобы пасть не разевали! – доложил сержант и радостно фыркнул. Молодец: сам пошутил, сам посмеялся.

Широкий перекресток рассекал рыночную площадь – лабиринт из рытвин и кочек застывшей грязи. Под навесами по периметру площади шла бойкая торговля. Консервы из гуманитарной помощи, электрочайники, телевизионные антенны, живые цыплята, газировка, домашняя сливовица и ракия в бутылках из-под газировки – маленькие радости послевоенной жизни...

Над навесами возвышалась несуразная двухэтажная кир-

пичная коробка с плоской крышей. Перед ней на обочине стояли два «Хамви» с надписями «SFOR» на бортах. «Уазик» остановился рядом, БТР выехал на центр перекрестка.

Из «Хамви» навстречу Шаталову неторопливо вылез майор Джеймс Роджерс – настоящий громила, из таких в кино обычно делают злодеев, хотя этот вроде был ничего. Они дружелюбно пожали руки.

– Снег будет! Вы там в Техасе любите снег? – вместо приветствия по-английски спросил Шаталов. Произношение у него было так себе, но это не мешало.

Роджерс ухмыльнулся:

– Мы там в Техасе больше любим нефть и виски. И ваши шутки в сибирском стиле. Хорошая дорога?

Шаталов пожал плечами:

– Хорошая дорога здесь до войны была. Наверное. Легкая смена, без происшествий?

– Тишь и покой. Все проблемы вам на завтра оставили.

Полицейские как раз начали досмотр очередной машины. Рутина: багажник, капот, бардачок, простучать двери и крышу. Через зеркальце на длинной ручке проверить днище.

– У нас сигнал, – сказал Шаталов. – «Ауди». Цвет белый. Желтая наклейка на стекле. Три или четыре человека. Вооружены. Очень вероятно, что вооружены.

Роджерс посерьезнел:

– Наркотики? Оружие?

– Поймаем – узнаем.

Роджерс что-то негромко сказал в рацию на плече.

Американский снайпер сидел на крыше. Спинай к кирпичному ограждению, со сникерсом в одной руке и бутылкой колы в другой. Он кивнул невидимому собеседнику, то-ропливо откусил батончик и отпил из бутылки. Взяв винтовку, встал на одно колено, прицелился в сторону ближайшей автомобильной очереди к блокпосту.

В прицеле поплыла одна машина за другой. Снайпер про-пускал грузовики, внимательнее изучал светлые легковуш-ки. Яркая одетая разбитная девица заметила его и послала воздушный поцелуй. Микроавтобус, мотоцикл, подвода... Чумазый мальчик лет пяти с куском хлеба в руке замер, гля-дя прямо на снайпера широко раскрытыми глазами. Пере-крестие прицела застыло у мальчика на лбу. Снайпер резко повернулся, начал проверять следующую цепочку машин.

– Чашку кофе? – спросил Роджерс.

– Местного или привозного? – уточнил Шаталов.

– Здесь кофе не растет.

Роджерс достал из салона «Хамви» термос.

В водительском окошке «уазика» нарисовался Цыбуля.

– Товарищ майор! Я тут за сигаретками метнусь, а? Пять секунд!

Шаталов оглянулся на торговые ряды, отпустил сержан-та кивком головы. Роджерс протянул крышку-стаканчик от термоса. От кофе поднимался пар. Шаталов отпил.

– Спокойнее стало в последнее время, да? – спросил он,

глядя, как Цыбуля неуклюже прыгает через лужи к навесам.

– Здесь успокоилось – в Косове разгорается, – философски ответил Роджерс.

– И что там разгорается?

– Сербская армия подавляет местное население. Косовары – отдельная нация, они будут бороться за свою свободу.

Шаталов пожал плечами:

– Мы, наверное, разные программы по телевизору смотрим. Косово – это Сербия. Бандиты спускаются с гор и убивают людей. Даже если они называют себя армией, то все равно остаются бандитами.

– Они сражаются за свою независимость, за освобождение, – убежденно сказал Роджерс.

– Ага, за освобождение. От сербов. До последнего серба.

– Давно хотел спросить: у вас все еще есть в армии... zampolit? Так это называется?

– Сведения о численности и составе воинского соединения не подлежат разглашению, – с улыбкой отчеканил Шаталов.

– Значит, есть. Твой ум подвергается воздействию. Советская пропаганда.

– Зато вы – как судьи всем. Одни знаете, что правильно, а что нет. Что, уже готовы в Югославию выдвигаться? Вчера в Багдаде – завтра в Белграде?

– Чушь. Война в Европе – как ты себе это представляешь? Прилетят самолеты и начнут сбрасывать бомбы на европей-

ские города? Еще одна параноидальная идея в стиле «холодной войны». Ты же помнишь это время, да? Долгая и опасная история! Все наши ядерные ракеты, подлодки, палец застыл над кнопкой, и все такое. Но «холодная война» закончилась, Андрей! И это главное! Все остальное – мелкие заварушки, не в счет.

Шаталов пил кофе и молча слушал Роджерса. Но перед глазами вставали совсем другие картины. Не в счет, Джими, не в счет...

...«Вертушка» с горящим двигателем жестко приземляется на горный склон. Душман в пыльном тюрбане выпускает еще один «стингер» в уже упавшую машину, не оставляя ребятам ни малейшего шанса...

...Деревенская улица в пригороде Тирасполя. Молдавские солдаты перебегают от дома к дому. Один забрасывает гранату в открытое окно. Внутри беленой крестьянской хаты распускается огненный цветок, через секунду вспыхивает соломенная крыша...

...Арабский наемник, уперев ствол пистолета в лоб стоящему на коленях пацану-первогодку в пехотной форме, ждет, когда его чеченский друг разберется с кнопками видеокамеры. Загорелся кружочек – пошла запись...

А Роджерс продолжал свой проникновенный монолог:
– И вот мы стоим с тобой здесь, черт знает где, американец и русский, делаем общее дело: следим, чтобы местные ребята не взялись за старое. Раз мы смогли помириться, смогут и

они, а?

У Роджерса зажужжала рация. Он отвлекся от разговора, отошел в сторону, начал быстро и негромко отдавать команды. Шаталов повертел в пальцах пустой стаканчик, поставил его на крышу «Хамви». Хороший ты парень, Джимми. Жаль, правда у нас разная.

* * *

Тем временем у Цыбули шла к успешному завершению коммерческая сделка. Сбивать цену он умел и любил. Пожилая торговка тоже была не лыком шита, но под напором сержанта явно сдавала позиции.

– Видишь, мать, звездочек нет, лычка только! – по-русски втолковывал ей Цыбуля, стучал себя пальцем по плечу. – Я не офицер, понимаешь? У офицеров денег мало, а у меня вообще нету! Вот, смотри!

Вывернул, обхлопал карманы комбинезона, развел руками. Шлепнул ладонью по прилавку, оставив на нем единственную купюру в пять немецких марок.

– Вот все, что есть, от сердца и желудка! Немецкие деньги, валюта! Давай, мать, уважь бойца.

Торговка продвинула к Цыбуле по прилавку пачку сигарет, отчеканила по-сербски:

– Четыре марки – пачка!

Цыбуля недовольно замотал головой, придержал купюру,

показал на пальцах: две.

– Две, две пачки дай, хозяйюшка! У меня полвзвода без курева, этому стрельни, того угости, и нету пачки. Две!

– Много тут таких умных! Тут марка, там марка, а потом товар покупать не на что. А то еще динары старые суют, и все такие бедные, каждому в положение войди, каждого уважь! Никакой совести!

Выдернула у Цыбули из-под пальцев купюру, положила на прилавок вторую пачку.

– Ах ты ж моя красавица! – Цыбуля перегнулся через прилавок, чмокнул торговку в щеку, схватил сигареты и двинулся вдоль рядов. – Вернись! Привози еще! Будешь эксклюзивный поставщик! Так держать, мать!

Торговка, отдуваясь, с усмешкой покачала головой ему вслед.

Цыбуля обошел большую лужу, спрятался от ветра в проход между фанерными стенками навесов, достал сигарету, нашарил в кармане спички, прикурил. А когда поднял взгляд от разгорающегося огонька, то сквозь приоткрытые ворота невысокого сарая в глубине проулка увидел, как трое местных закрывают брезентовым чехлом белую «Ауди». Один из них недобро зыркнул на Цыбулю и отвернулся. А желтый «пакман» смотрел на него с заднего стекла, разинув рот.

Роджерс выключил рацию. Шаталов показал ему пальцем на стаканчик:

– Спасибо. Вкусный кофе, Джимми! Никаких «Ауди»? Никаких вооруженных парней?

– Я же сказал, что все проблемы – вам на завтра... – Роджерс уставился куда-то за спину Шаталову, и тот обернулся.

От торговых рядов, не разбирая дороги, мчался Цыбуля с выпученными глазами.

– Товарищ майор! Там, на задах... – закричал он издалека. – Сарай... «Ауди»... Та!

Двое боснийских полицейских неподалеку оторвались от проверки очередного автомобиля и с подозрением наблюдали за Цыбулей.

– Тревога! – бросил Шаталов Роджерсу, срываясь с места.

На бегу оглядывая площадь, он махнул рукой бронетранспортеру, указал на ближайшую брешь в торговых рядах.

– Дерьмо! – констатировал Роджерс и прилип к рации. Американские солдаты заозирались, пытаясь понять, что происходит, и постепенно приходя в движение.

Шаталов мчался к проходу в рядах, Цыбуля затормозил и присоединился к командиру.

– Сержант, за мной! Сколько?

– Одна, одна машина! «Ауди», белая...

– Цыбуля! – зло рявкнул Шаталов.

– Трое, товарищ майор!

Опрокинув штабель пустых фанерных ящиков, БТР погрузился в рынок. Краем глаза Шаталов заметил, что позади с автоматами наперевес бегут американцы. Он вынул из кобуры пистолет и отщелкнул предохранитель.

Глава 2

Визжа резиной, белая «Ауди» вынырнула из сарая и свернула в сторону от Шаталова. Он выстрелил в колесо и промазал.

Наперерез машине из соседнего проулка выкатился БТР. «Ауди» рванула задним ходом – прямо на Шаталова. Со второй попытки он попал. Легковушка вильнула и вспахала бампером фанерную стену, пока не уткнулась в опорный брус.

Молодой босниец в адидасовском костюме выпрыгнул с переднего сиденья, но бежать было уже некуда. Подоспевшие американцы скрутили его и положили на землю. Водитель не смог вылезти через зажатую стеной дверь и обреченно полез из машины через пассажирское кресло. Шаталов взял его на мушку.

– Держи руки перед собой, – посоветовал он по-сербски. – Так, чтоб я видел. Выходи медленно, тут все вокруг нервные, пристрелят тебя ненароком.

Водитель, мелко кивая и держа ладони перед лицом, шагнул из машины на землю. Упаковали и этого.

Роджерс открыл задний багажник и присвистнул: под цветным одеялом лежало несколько карабинов, два «узи» и коробка с гранатами. Шаталов хлопнул его по плечу.

– Хорошая работа, Джимми. На медаль!

Возникший рядом Цыбуля напомнил:

– Трое было...

– Ну, ты машинку-то подгони! – негромко велел Шаталов.

Цыбуля исчез. Шаталов быстро ввел Роджерса в курс дела: показал, откуда выехала «Ауди», посоветовал поискать третьего контрабандиста. Американцы слаженно, как на учениях, начали окружать сарай. В проходах понемногу стал собираться рыночный люд, любопытствуя.

– Андрей, помощь нужна?

Это из бэтэра выбрался капитан Воронов. Надежный мужик и толковый офицер, только физиономия подкачала: всегда казалось, что Воронов либо только что выпил, либо с жесткого похмелья.

Шаталов кивнул на американцев.

– Не наша вахта, Вадим!

Те как раз, прикрывая один другого, проникли в открытый сарай. А что смеяться над их танцами, подумал Шаталов, грамотно действуют. Пулю схлопотать – дело нехитрое, лучше уж перестараться. Техника безопасности – штука нужная.

Где-то по ту сторону сарая хлопнула дверь, раздался предупреждающий крик миротворца, Роджерс прилип к рации.

Снайпер беспомощно шарил прицелом по лоскутному одеялу крыш. В прорехах между темными пятнами рубероида, ржавыми железными листами и кусками старого шифера мелькал силуэт бегущего человека. Босниец-контрабан-

дист по задворкам торговых рядов выбрался с рынка, перепрыгнул широкую канаву, нырнул под защиту автомобильной очереди, побежал по обочине вдоль ожидающих проверки машин.

– Вижу его! Могу зацепить гражданских, – доложил снайпер, перекладывая решение на старшего.

– Никаких трупов в мою смену! – заквакал из радиации голос Роджерса. – Возьмем так!

Беглец скинул с мотороллера худосочного подростка и прыгнул в седло. В прицеле снайпера замелькали борта грузовиков, крыши автомобилей.

– Восточная дорога. У него мотороллер. Уходит.

Отчаянно виляя, пригнувшись к рулю, контрабандист мчался мимо машин по краю обочины. С рыночной площади за ним устремился «Хамви» Роджерса.

Шаталов на ходу распахнул дверцу подъезжающего «уазика» и запрыгнул внутрь.

– Двигай, двигай, Цыбуля, не рассусоливай! – ткнул перед собой пальцем, показывая дорогу. – Вон туда, за будку!

– Так там проезда нету!

– Не зли меня! И береги колеса.

– Слушаюсь!

«Уазик» проехал по грудам битого шифера и выехал с задворков рынка на сносную проселочную дорогу.

– Вверенный участок, Цыбуля, надо знать до последней тропки, понял? И жми давай, не спи за рулем! Наш друг сей-

час в поля ломанется, по шоссе за ним не особо побегаешь.

Расстояние между мотороллером и «Хамви» быстро сокращалось. Внезапно беглец притормозил и съехал с асфальта в сторону, пропал из виду за густым кустарником. «Хамви» остановился у обочины, Роджерс открыл дверь, встал на подножку. Тропинка между кустами спускалась к мосточку в две доски через прихваченный льдом ручей на дне глубокой канавы. Мотороллер на секунду показался на другом склоне и окончательно исчез в зарослях. Роджерс неразборчиво ругнулся.

А «уазик» мчал по проселку, прыгая на ухабах. Когда метрах в двухстах впереди на дорогу вырулил беглец на мотороллере, Цыбуля на радостях вдавил педаль в пол.

– Ядрена-матрена, наш хлопец, собственной персоной!

Машину подбросило на очередной кочке, Шаталов приложился макушкой о потолок.

– Цыбуля, под колеса смотри! Не уйдет твой приятель, тут некуда.

Разумеется, сглазил.

С какой-то боковой тропки-дорожки, фырча слабосильным малолощадным движком, на прямой участок между мотороллером и «уазиком» полез трактор, да еще и с подводой. Цыбуля ударил по тормозам и клаксону одновременно, машину проволокло юзом по грунту.

– Твою ж!.. – Не веря своим глазам, Шаталов смотрел, как медленно-медленно, словно во сне, трактор перекрывает им

путь.

С подводы прыгнула светловолосая женщина лет тридцати с плюсом в белом халате, побежала навстречу «уазику».

Цыбуля снова утопил клаксон в руль, от пронзительного сигнала стоя дроздов взлетела из кустарника, а Шаталов ощутил, как заныла и запульсировала десна под давно шатавшейся пломбой.

А этой – хоть бы хны, идет, машет руками, что-то кричит. Шаталов привстал на подножке, сквозь кабину трактора увидел вдалеке спину беглеца, прыгнул на землю.

– Глухая, что ли? – буркнул себе под нос.

И уже громче, по-сербски:

– Освободите дорогу!

– Помогите, пожалуйста! Транспорта другого нет, боюсь, не довезу!

На подводе, полулежа в сене, стонала роженица, обхватив руками огромный живот.

– Дорогу! В сторону примите! – повторил Шаталов. Толку – чуть.

– Из лагеря беженцев. Тут всего пятнадцать километров, но так мы за два часа не доберемся!

Медсестра? Врач? – уже подошла к нему вплотную. Глаза бешеные, волосы растрепанные.

– Вообще меня не слышит! – констатировал Шаталов по-русски. – Вот курица!

И в ту же секунду схлопотал звонкую и увесистую поще-

чину.

– Сам курица!

В общем, погоня не задалась.

Женщины разместились на заднем сиденье «уазика». Шаталов с каменным лицом изучал заоконный ландшафт. Контрабандиста и след простыл. Добрый и отзывчивый шофер не преминул поинтересоваться:

– Так за этим, на мотороллере, не едем уже?

– Цыбуля!

– Есть – не злить!

Роженица громко застонала.

Шаталов обернулся:

– Вы уж скажите ей, чтоб терпела. У нас техника казенная.

Мы солдаты, а не врачи.

Ответ обескуражил резкостью и несправедливостью:

– Настоящие солдаты сейчас в Косове.

Шаталов, чувствуя, что закипает, снова уставился на дорогу. Не выдержал, добавил по-русски:

– Вот же язва!

Высказался – вроде как и отпустило!

– Так точно, товарищ майор! – поддакнул сержант.

Шаталов заново прокрутил в голове события дня: ориентировку от Бражникова, разговор с Роджерсом, захват подозреваемых.

– Ты хоть понял, Цыбуля, где эта «Ауди» стояла? Она внутри уже была, в зоне безопасности! Значит, кто-то ее туда

впустил. Какой-то гаишник местный. Пошмонали для виду – и в сарайчик до темноты. А эти стоят, ушами хлопают! Все красивые из себя, рэмбо да терминаторы. У них под носом бронепоезд провезти можно, даже не чихнут. Союзнички!

Сдержанный смешок с заднего сиденья.

– А вы, девушка, не слушайте, вы же по-русски все равно не понимаете. Едете рожать – вот и не отвлекайтесь!

– По-сербски «Рэмбо» будет «Рэмбо», – сказала обидчица. – А знаете, как «Терминатор»?

* * *

«Уазик» въехал во двор больницы, Цыбуля подрулил прямо к дверям приемного покоя, помог роженице выбраться с заднего сиденья. Шаталов засмотрелся, как санитары укладывают ее на каталку, увозят внутрь. Новая жизнь, подумал он. Это хорошо. Родится мальчишка, а война уже кончилась. Все у него будет в порядке.

В его окошко постучали. Шаталов обернулся, неохотно опустил стекло.

– Спасибо вам, товарищ майор. Про Косово – извините... Ждем перевода еще с осени, и все никак. Здесь-то уже тихо. А там настоящая война. Спасибо – и удачи!

Легкие пальцы чуть коснулись его плеча, а потом она ушла. Полы расстегнутого халата – словно белые крылья. Красиво.

– Как вас зовут? – крикнул Шаталов вдогонку.

Женщина на секунду сбавила шаг, оглянулась через плечо.

– Ясна! Ясна Благович. Красный Крест.

Цыбуля плюхнулся на свое сиденье, покачал головой, режюмировал:

– Та еще язва, товарищ майор!

Шаталов задумчиво смотрел ей вслед.

– Да нормальная... Красный Крест...

Глава 3

Штаб Вооруженных Сил Юга России, Екатеринбург

Март 1920 года

От далекой артиллерийской канонады в просторном коридоре штаба Вооруженных Сил Юга России чуть подрагивали стекла. Ротмистр Арсений Андреевич Маевский, бледный, не до конца восстановившийся после тяжелого ранения, передвигался, опираясь на тросточку, в самый конец бесконечно длинного этажа. Ему навстречу прошли две сестры милосердия с большими красными крестами на передниках.

В конце коридора рядом с широкой двустворчатой дверью стоял письменный стол, адъютант поднялся навстречу Маевскому и открыл ему дверь в кабинет:

– Ждут-с!

Ротмистр приосанился, шагнул за порог. Дверь мягко закрылась у него за спиной. Отдал честь, щелкнул каблуками – как смог.

– Ваше превосходительство...

Из-за большого рабочего стола ему навстречу поднялся тучный седовласый генерал Тригоров, развел руки для объяснений. На одном из двух посетительских мест перед столом сидела заплаканная дама, за спинкой ее стула стоял подросток.

– Арсений Андреевич, голубчик! Живой, на ногах! Рад безмерно!

– На ноге, Сергей Павлович. Отскакался Маевский, отмахался шашкой. Теперь вон... на подпорке.

Ротмистр впервые встретился с Тригоровым, тогда еще подполковником, накануне Германской. Со знакомыми из той невообразимо далекой жизни часто возникала особенная приязнь, сродство душ. Они обнялись. Затем генерал подвел Маевского к столу.

– Позвольте представить... Арсений Андреевич Маевский, ротмистр Первого Конного генерала Алексеева полка, герой Ново-Дмитровской и Тихорецкой. Софья Николаевна Келлер, вдова полковника Келлера. Ее сын Владимир.

– Сударыня, польщен знакомством... Юноша... – Ротмистр поцеловал даме руку, с подростком обменялся рукопожатием.

Тригоров усадил его напротив вдовы Келлера, вернулся в свое кресло, искренне поинтересовался:

– Как ваши, Арсений Андреевич? Есть ли вести?

Маевский неопределенно качнул головой:

– Последнее письмо получил перед Рождеством, из Гельсингфорса. С Божьей помощью, должны бы уже добраться

до Берлина.

– Сколько сыну?

– Одиннадцать. – Внимательнее посмотрел на подростка, улыбнулся ему одними глазами. – Наверное, ровесник... Владимира? – Правильнее было бы сказать «ровесник Володи» и сократить дистанцию, но почему-то полное имя показалось более уместным.

Софья Николаевна словно не услышала вопроса. Владимир оробел и тоже не ответил. Повисла неожиданная пауза. Где-то неподалеку проснулась крупнокалиберная гаубичная батарея, стекла заунывно отзывались на каждый залп.

Тригоров ввел Маевского в курс дела:

– Софья Николаевна обратилась к нам по вопросу сугубо личному, но тем не менее связанному с историей и честью Добровольческой армии. Вы ведь были знакомы с полковником Келлером?

– Так точно, еще с Японской. Федор Вильгельмович командовал орудийным расчетом рядом с расположением наших разведчиков. Артиллерия здорово выручила нас под Мукденом. Более не встречались. Хотя по осени несколько директив из штаба приходили за его подписью. Сожалею, что не довелось свидеться.

Тригоров удовлетворенно кивнул:

– С самого начала Германской полковник Келлер служил у Михаила Васильевича Алексеева в штабе Юго-Западного фронта, затем стал его правой рукой в обоих Кубанских по-

ходах. И пережил Верховного руководителя, к сожалению, ненамного.

Софья Николаевна перехватила инициативу:

– Федор завещал, чтобы его похоронили в православной земле, рядом со своим командиром. Все удалось устроить. Он лежит здесь, в Екатеринодаре, поблизости от генерала Алексева.

Ротмистр недоуменно посмотрел на Тригорова, на Келлеров:

– Так в чем же, собственно, вопрос?

Софья Николаевна ответила коротко и строго:

– Алексева больше нет в могиле.

Предположения одно абсурднее другого замелькали у Мавевского в голове. Удивляться в последние годы не приходилось ничему. Нынешняя война не жалела ни живых, ни мертвых. Тригоров разъяснил:

– Все идет к тому, Арсений Андреевич, что мы будем вынуждены оставить город. Памятуя о судьбе Корнилова, чье тело большевики вырыли из земли для надругательства и таскали по улицам на веревке, родственники Михаила Васильевича распорядились перезахоронить его за рубежом. Королевич Александр личным указом предоставил Алексеву последнее пристанище в Сербии. Прах Верховного руководителя уже покинул родину.

Щеки Софьи Николаевны пылали нездоровым румянцем. Блеск в глазах выдавал совсем не женскую решимость.

– Я лишь хочу выполнить волю мужа. До конца. Арсений Андреевич, вы смогли бы сопровождать нас в Белград?

Тригоров подался вперед, исподлобья посмотрел Маевскому в глаза:

– Присоединяюсь к этой просьбе. Расходы семья Келлеров берет на себя. Путешествие туда и обратно не должно занять более полутора месяцев. Но в наше смутное время дорога может быть сопряжена с непредвиденными трудностями, и мне было бы спокойнее, если бы семью полковника сопровождал надежный и благородный человек. Я не вправе отрядить кого-либо из офицеров действующей армии...

Маевский заиграл желваками:

– Я понял вашу мысль, Сергей Павлович. Не продолжайте.

* * *

«Дорогая Лида!

Сбои в почтовом сообщении, конечно, недопустимы, но простительны. Твое финляндское послание, отправленное в сочельник, настигло меня лишь в начале марта, и видела бы ты, каких только почтовых штемпелей не собрал конверт! Впрочем, легко ли найти человека, когда линия фронта качается туда-сюда подобно змее, танцующей под факирскую дудку, когда полки и дивизии снимаются с места за одну ночь? Очень надеюсь, что где-то между Ростовом и Екатеринодаром бродят в поисках меня твои послания из Стокголь-

ма, Мальме, Копенгагена, Гамбурга, Берлина.

Изменчивая судьба рисует нам путь. Еще вчера я скучал в госпитале, ожидая, когда затянется пустяковая царапина и доктора соизволят отпустить меня в часть. А уже сегодня с новым заданием я отправляюсь в дорогу! Предстоит путешествие в глубокий тыл с важной и конфиденциальной миссией. Буду писать тебе при каждом удобном случае на берлинский адрес посольства.

Обними Андрюшу! Скучаю по вам. Твой Арсений».

* * *

Пока четверо могильщиков возились с веревками, приглашенный Келлерами старенький дьячок бормотал себе под нос монотонную молитву. Ни слова не разберешь. Может, и к лучшему – дело делалось странное, сомнительное.

Ротмистр Маевский, Софья Николаевна и Владимир стояли на краю разрытой могилы не шелохнувшись, ждали терпеливо, когда необходимое будет завершено. Дул порывистый и влажный южный ветер, заглушая неумолчный рокот приближающегося с севера фронта.

Наконец, могильщики ухнули по-бурлацки, навалились, потащили, дьячок затараторил быстрее, и из глубины могилы всплыл на веревках к поверхности земли темный лакированный гроб.

Глава 4

Селение Керген, территория под контролем ОАК

Автономный край Косово, Югославия

Январь 1999 года

Бетонное крошево и обломки кирпича похрустывали под ногами. Смук осторожно шел вперед. Пистолет в закрытой кобуре, руки на виду. На чужой территории нужно быть вежливым. Беза и Амир со своими людьми остались за околицей около джипов.

Раньше ему не доводилось бывать в Кергене. Земли Смука – и будущие земли Смука – лежали севернее. Селение казалось вымершим. Немудрено – когда на улицах звучат выстрелы и взрываются гранаты, человеческие существа умудряются забиться в такие щели, что и таракан позавидует. Разрушений было немного – десяток выбитых окон, пара разваленных стен. Вдалеке догорал амбар.

На крыльце ближнего дома показался узколицый рыжий

парень в очках. Смук ожидал увидеть не его.

– Ты кто? – спросил Смук.

Блеснув очками, парень скрылся за дверью.

В проулок навстречу Смуку вышел рослый беловолосый альбинос в зимнем камуфляже. Как неначатая детская раскраска – минимум цвета.

– Здравствуй, Бледный! – сказал Смук по-албански.

Тот кивнул в ответ, исподлобья глядя на гостя.

– Птицы летят на мертвое мясо? – спросил Бледный; он говорил на албанском медленно, с сильным акцентом. – Зачем приехал, Фитим? Посмеяться над нашими потерями?

Не только, подумал Смук.

– Мы на одной стороне, Бледный, – сказал он, неторопливо и аккуратно подбирая правильные слова. – Мы делаем общее дело. Мне жаль, что югославы коварно напали на твоих людей. Ты знаешь, с кем вы сражались?

Фигура речи, не более – Смуку донесли, что никакого сражения не было. Набег на рассвете, часовые ликвидированы, молниеносная атака. Много жертв, уничтоженный арсенал. Взрывы было слышно очень издалека.

– Думаю, это Черный взвод, – сказал Бледный. – Говорят, полковник Брегич собирает опытных бойцов лично, по одному человеку, каждого смотрит сам. Это не обычные военные, а его ударный кулак. Гранаты в окна, потом добивали из автоматов. Очень быстрые. Цель – максимальный урон. Потом сразу отошли. Они действовали, как мы.

– Скольких ты потерял?

– Тридцать пять. Больше, – неохотно ответил Бледный. Сегодня будет хороший день, решил Смук.

Бледный был уникальным полевым командиром – единственным пришлым на позиции такого уровня в ОАК. В его отряде почти не было косоваров и албанцев – в основном солдаты удачи с разных концов Европы и идейные борцы за всемирный халифат: саудиты, катарцы, пакистанцы.

Освободительная Армия Косова больше походила на средневековое войско. Не было единой вертикали управления, каждый полевой командир контролировал свою территорию и вел свой бизнес, вес каждого определялся количеством бойцов, оружия, денег. Стычки между отрядами происходили регулярно – всегда находилось что-то не до конца поделенное. Но для борьбы с общим врагом – югославской армией и полицией – полевые командиры умели ненадолго объединяться и забывать о разногласиях и личных счетах.

– Тридцать пять, – задумчиво повторил Смук. – Тридцать пять – и склад боеприпасов.

Альбинос стал белее обычного. Смук перешел на английский.

– Я хочу сделать тебе щедрое предложение, Бледный. Сегодня ты потерял треть своего отряда и то, чем воевать. Сейчас тебя можно взять голыми руками. Кто-нибудь обязательно захочет это сделать. Пока такого не случилось, приглашаю тебя и всех твоих бойцов под свое начало. У меня четыре по-

мощника, станешь пятым. Подчинение лично мне, никому больше. По доходам договоримся, я не жадный, и пару интересных тем отдам под твой контроль. Все станет как прежде, только лучше и больше.

Смук развернулся и пошел к своим. Бросил через плечо:
– Подумай! Я пока выпью кофе.

* * *

Через десять минут отряд Смука увеличился с двухсот бойцов до двухсот семидесяти. Бледный был наемником, считать умел хорошо. За четверть часа они оговорили принципиальные моменты и остались довольны друг другом. Амир и Беза ревниво следили, как их командир обхаживает вчерашнего соперника.

– И еще, Фитим, – сказал Бледный напоследок. – Тут английские репортеры. Хотели сделать репортаж или что-то такое. Не успел с ними разобраться. Думаю, есть смысл тебе подключиться.

Какие еще репортеры, разозлился Смук, зачем? Но первый знак повиновения со стороны Бледного не стоило игнорировать.

– Поговорю с ними.

Англичан оказалось трое: тот парень в очках, которого Смук уже видел мельком, старший над камерой и микрофонами, худосочная замотанная ассистентка за тридцать в роли

«подай-принеси» и вальяжный толстопузый мэтр-репортер. Когда Смук зашел в дом, оператор снимал лежащие на полу тела.

– Добрый день! Это вас направили для интервью? – сказал репортер на плохом сербском.

– Вы приехали, чтобы поговорить со мной на собачьем языке? – по-английски ответил Смук. – Говорите на родном, только не очень быстро, и я все пойму. Меня зовут Фитим Болла, я командир отряда, входящего в Объединенную Армию Косова, и отвечаю за эту территорию. А кто вы такие?

– Съёмочная группа телеканала... – репортер назвал незапоминающуюся аббревиатуру. – Готовим материал о повстанцах, о тяготах жизни на военном положении, злодеяниях югославской армии, хотим дать европейскому зрителю правильное понимание ситуации в Косове.

Смук пожал плечами:

– Снимайте, я не против. Считайте, что здесь вы под моей опекой. В случае чего ссылайтесь на меня.

Он хотел уйти, но остановился, услышав голос ассистентки:

– Фитим Болла! Он же Смук, что по-сербски означает «полоз», большая змея. С августа девяносто восьмого в розыске, обвиняется по восьми статьям Уголовного кодекса Югославии.

Она стояла в углу над трупом женщины и зачитывала информацию из небольшого блокнота. Никакие они не журна-

листы, подумал Смук. Теперь он обратил внимание на мягкие повадки и расчетливые движения оператора, заметил его сбитые костяшки. И репортер только казался толстым – под слоем жира и одеждой свободного кроя угадывался мощный мышечный каркас. Смук осторожно повел руку к кобуре.

– Вы получили образование в Цюрихе, факультет права. Говорите на пяти языках, – продолжила ассистентка, перешагнула через труп и пошла к нему. – Рада познакомиться, господин Болла! Меня зовут Робин. Большая удача, что мы встретились именно сейчас.

Она по-мужски протянула руку, сбитый с толку Смук пожал ее. Цепкие холодные пальцы.

– Кто вы такие? – переспросил он.

– Мы – друзья, – ответила Робин. Уже стало очевидным, что старшая здесь она, а оператор и репортер исполняют роль телохранителей. – Югославы взялись за ОАК не на шутку, и вам нужна помощь. Мы приехали помогать.

* * *

В Кергене пришлось задержаться. Люди Смука – в явном меньшинстве – с опаской расположились рядом с бойцами Бледного. Недоверие не исчезает за один день, к новичкам предстояло присмотреться и привыкнуть.

Робин с помощниками и Смук в сопровождении Бледного пришли на опушку леса, где в вырытую траншею были

свалены тела погибших оаковцев. Они не были косоварами, смерть настигла их на чужой земле.

– Слишком много обмундирования. Надо найти гражданскую одежду и переодеть их, – велела Робин. – Сколько местных жителей погибло?

– Четверо, – ответил Бледный.

– Дети есть среди них?

– Нет.

– Досадно.

Робин спустилась в траншею, перевернула одно из тел, всмотрелась в лицо взглядом художника. Араб, курчавая черная борода, низкие надбровные дуги, оскаленные зубы.

– Этого уберите пока, портит картину.

– В одной из моих деревень сегодня умер мальчик, – сказал Смук. – Воспаление легких, упустили.

– Везите, – сказала Робин. – Это ненадолго, вернем в целости.

Почему нет, подумал Смук. Вдруг это сработает. Не ждать, когда casus belli появится, а создать его своими руками.

Смук предпочел бы, чтобы с неба упал контейнер с оружием и амуницией, это было бы хорошей и понятной помощью. Но прямой путь не всегда самый короткий. И ему нравилось, что рядом появился новый союзник.

Вторую порцию журналистов доставили рано утром. Небольшой автобус, отправленный Смуком, ехал от албанской границы всю ночь. Если вдуматься, очевидное свидетельство успехов ОАК.

Для встречи Смук сменил военную форму на одежду, больше подходящую сельскому учителю: вельветовые брюки, поношенный шерстяной пиджак, свитер грубой вязки с высоким горлом. Очень мирный вид. Правильный облик для предстоящего мероприятия.

Немцы, швейцарцы, американцы, французы. Если верить списку, все – корреспонденты, не вылезające из горячих точек, привычные ко всему. Смук наблюдал, как помятые, невыспавшиеся, напряженные гости по одному спрыгивают на землю с высокой подножки, прижимая к груди камеры, раздвижные штанги микрофонов, дорожные сумки. Настоятельно оглядываются, инстинктивно жмутся друг к другу. Жалкое зрелище, стадо воинственных овец.

Делегацию встречали староста Кергена и седенький мулла. Староста знал по-английски только «Здравствуйте!» и «Спасибо!», поэтому потратил словарный запас в первую же минуту, обойдя всех приехавших и лично поприветствовав каждого. Мулла не переставал улыбаться и молча кивал всем издалека. Вокруг метались активисты из местных, перекри-

кивались по-албански, чем только создавали суету.

К счастью, с журналистами приехал переводчик – какой-то студент из Тираны не отказался от хорошей подработки. Непривычный к косовскому диалекту, он все время переспрашивал, а переводил только то, в чем был уверен. Но лучше, чем ничего.

Наконец, гостей провели в большой армейский шатер, установленный накануне и с вечера прогретый калориферами, предложили завтрак. Прессу надо кормить, вспомнил Смук слова Робин.

Когда журналисты перекусили и немного взбодрились, их повели к захоронению.

– Кто успел поставить свет? – краснощекий немецкий репортер толкнул локтем своего оператора, тот тоже недоверчиво осматривал прожекторы и отражающие экраны, установленные полукругом по краю ямы.

– Ваши британские коллеги, – счел нужным вмешаться Смук, и его швейцарский немецкий был безупречен и мягок, – прибыли несколько раньше. Решили воспользоваться преимуществом и, не теряя времени, приступили к съемке. Не беспокойтесь, мы взяли с них слово, что до пресс-конференции никакой материал в эфир не уйдет.

Немцы удовлетворенно кивали, с любопытством рассматривая обратившегося к ним рослого косовара. Уверенный взгляд, волевое лицо, учитывая речь образованного человека. Немецкий выше всяких похвал. Такого парня можно выно-

силь на обложку. Понять бы, кто он.

– Невозможно на это смотреть, – всхлипнула американка.

Защелкали объективы. В глубокой траншее были свалены тела мужчин, женщин, детей, присыпанные песком. Точнее, тело одного ребенка лежало самым верхним – но кто знает, что там, в глубине?

– Югославы не хотят понять, – спокойно и скорбно сказал Смук, – что каждый косовар мечтает о свободе для своего народа. И они готовы убивать. ОАК – это наши силы самообороны, попытка косоваров защититься от сербского геноцида.

Красные огоньки видеокамер, выпученные зрачки объективов окружали его со всех сторон.

– Косово в огне, – добавил Смук. – Услышьте нас, нам нужна ваша поддержка!

Может сработать, подумал он, слушая себя со стороны, щурясь от фотовспышек. Робин наблюдала за ним из задних рядов. У нее тоже сложился удачный день.

Глава 5

Белград, Югославия

24 марта 1999 года

Люди потянулись к мостам над Савой ближе к закату. Приходили по одному, по двое, останавливались кто в самой середине, кто у перил или крайних опор. Старики, женщины, студенты. Белградцы и приезжие. Смотрели в небо.

Беседы незнакомых людей рождались и затухали. Над всеми довлело одно скользкое упругое злое слово: УЛЬТИМАТУМ. Еще год назад казалось, что худшие времена позади. Что потерявшая половину территории и населения Югославия сможет залечить раны и понемногу отстроить новую мирную жизнь.

Но нет. Ничего не закончилось. Некоторым странам показалось, что они лучше знают, что хорошо для Косова. Югославия осталась один на один с превосходящей силой. Отвод войск из Косова в одностороннем порядке был бы равносильен сдаче края бандформированиям ОАК. Это было ясно и сторонникам Милошевича, и его противникам внутри стра-

ны. На требования извне президент ответил «нет». Колесо истории катилось неумолимо, и неотвратимые последствия приближались.

Мосты над Савой – гордость старого города, сколько же человек одновременно смогло поместиться на их потертой брусчатке!

Угрюмый хромой мужчина тащил за руку сквозь толпу семилетнего сына.

– Папа, а мы будем птичек кормить? Давай тоже постоим, хочу птичек!

– Идем, Миха! Птички сегодня не прилетят.

– Вы так думаете? – сказала высокая худая старуха из толпы. – Ультиматум истек, можно ждать всякого! Нужно стоять здесь! Если они увидят людей на мосту, то не станут его бомбить!

Мужчина презрительно бросил в ответ:

– Да кто вас разглядит с десяти километров?

Старуха никак не отреагировала. Сомнениям не было места.

Перебравшись на другой берег, мужчина и мальчик уткнулись в «уазик» защитного цвета, остановленный полицейским. Мужчина раздраженно хлопнул ладонью по капоту и протащил сына мимо.

– Похоже, не проедем, товарищ майор! – бодро рапортовал Цыбуля. – Метнусь на рекогносцировку?

– Действуй, – сказал Шаталов.

Сержант выскочил из «уазика» и вступил в общение с полицейским. Воронов, сидевший впереди на пассажирском сиденье, обернулся с заговорщицкой миной.

– Слушай, у нас полчаса есть? Жене обещал люстру, мне как раз через две недели домой. А тут ребята-дипломаты подсказали, куда заехать.

Они только что доставили пакет в российское посольство для военного атташе. Процедура передачи не заняла и десяти минут. Когда и у кого Воронов успел добыть информацию про люстры, осталось загадкой. Такой же пробивной, как Цыбуля, только званием повыше.

– Вряд ли поедешь, – сказал Шаталов.

– Да ладно, за пятнадцать минут управимся! Я и модель знаю, только зайти да оформить.

– Говорю, домой ты вряд ли поедешь.

– Как так? – возмутился Воронов. – Платов обещал, все согласовано...

Шаталов пожал плечами:

– На уровне ощущений. А за люстрой – завернем, не вопрос.

Вернулся Цыбуля, доложил:

– Белградцы вышли защищать мосты. Полиция говорит, НАТО шарахнет сегодня ночью.

– А ты говоришь, в отпуск. Давай, Цыбуля, по набережной, а там разберемся.

– Есть – по набережной! – Сержант аккуратно сдал назад

и вывернул руль.

Шаталов смотрел на людей, идущих к мосту нескончаемой вереницей. Сосредоточенные, решительные, прямые. Хорошие. Братушки, свои. Спросил себя: может, обойдется? Сам и ответил: это вряд ли.

– Хотел, главное, – рассказывал Воронов, – нормальную люстру купить – хрусталь, висюльки, все дела. А Людмила у меня в том году в Москву ездила, нашла магазин такой, «Ядран» – югославский. Увидела плафоны из цветного стекла – и все! Теперь без таких хоть домой не приезжай.

– Товарищ майор, мы к госпиталю?

– Да, – подтвердил Шаталов.

Пояснил Воронову:

– Сначала из Красного Креста подберем одного товарища. Нам до Боснии по пути, я обещал подбросить.

– Кажется, слышал! – заулыбался капитан. – Это с которой вы уже в роддом ездили?

Вмешался Цыбуля:

– Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу капитану?

– Разрешаю.

– Товарищ капитан, товарищ майор очень сердится, когда ему про то патрулирование напоминают. Просто на всякий случай говорю.

– Заботливый у тебя сержант! – хмыкнул Воронов.

– Да уж. Сам не нарадуюсь.

Капитан тоже разглядывал прохожих.

– Что, думаешь, может начаться? Не верится что-то.

– А никому никогда не верится, пока первый раз не рванет, – помрачнел Шаталов. – Милошевич на шантаж не поддался, войска из Косова не вывел. Теперь жди тефтелю из Брюсселя. Цыбуля, прибавь-ка звук!

Сержант повернул ручку громкости, полилась сербская речь:

– ...протестует против вмешательства стран НАТО во внутренние дела Югославии. Так называемый «ультиматум» о выводе вооруженных сил из района проведения войсковой операции в Косове и Метохии...

* * *

– ...не имеет под собой юридического основания, не обсуждался в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, – бубнил приемник за стенкой.

Ясна склонилась над столом. Сотрудник югославского Красного Креста пролистывал ведомость за ведомостью. Медикаменты в боснийское отделение частично поступали через Белград.

– Отчет по лекарственным формам будет, как всегда, к пятому числу, – пояснила Ясна и посмотрела на наручные часы. – Мне пора бежать, совсем опаздываю. Не усни тут!

Она вышла в холл. На банкетках вдоль стен сидело

несколько женщин. Входные двери распахнулись, вбежала еще одна:

– Приехал! Приехал!

Все разом бросились к дверям, оттеснив Ясну. Она тоже вышла на улицу. Оранжевый диск солнца уже коснулся крыш. По широкой гранитной лестнице поднимался импозантный мужчина лет сорока. Костюм и плащ сидели на нем с иголочки, ранняя седина одновременно молодила и придавала серьезности. Морщинки у глаз, волевой подбородок, точеный профиль – красивых людей приятно разглядывать. Что Ясна и делала. Женщины окружили его плотным кольцом, загалдели разом.

– Господин Штерн! Мы вас так ждали!

– О моем Благое есть что-то новое? Доктор Штерн? Вы говорили, что рана уже не кровит?

– Возьмите, пожалуйста! Здесь лекарства. Милун Джорджич, капрал. У него почечная недостаточность...

– Благодетель! Спаситель! – Одна из женщин упала перед доктором на колени, попыталась поцеловать ему руку.

– Ну что вы! Это лишнее! – Штерн бережно помог ей подняться, погладил по плечу.

Солдатские матери, догадалась Ясна, и почувствовала, как мурашки бегут по позвоночнику. На стене рядом с ней блесла под стеклом табличка международного благотворительного фонда «Von Herzen Zu Herzen» – «От сердец к сердцам», два сердечка сплелись на логотипе.

Одна из солдатских матерей схватила Ясну за локоть:

– Вы знаете, это святой человек! На прошлой неделе вызволил еще троих. Мой сын в плену у ОАК, может быть, доктор Штерн сможет разыскать его!

Штерн заметил Ясну, начал деликатно продвигаться к ней, успокаивая просительниц:

– Позвольте... Я освобожусь через несколько минут, обязательно все обсудим. Не переживайте, я никуда не уйду!

– Здравствуйте, господин Штерн! – улыбнулась Ясна.

– Госпожа Благович? Этот голос сложно перепутать! Вы еще красивее, чем я себе представлял.

Ясна едва заметно порозовела. Штерн взял ее под локоть, отвел в сторону.

– Рад, что застал вас! Кажется, мы едва не разминулись? Старый мост перекрыт, пришлось объезжать. Извините за непунктуальность.

По ступеням вприпрыжку к ним подбежал юноша с фотокамерой через плечо:

– Вы ведь Штерн из «Сердца к сердцу»?

– Пять минут, молодой человек...

– Только одно фото! «Утренний вестник». Пожалуйста, а то солнце уходит совсем...

Штерн спросил:

– Ясна, вы не против составить мне компанию? Так сказать, как коллега по призванию? Красный Крест и «От сердец к сердцам». Символично! Давайте, юноша, только с вас

фотография!

Штерн развернул Ясну к журналисту, широко улыбнулся. Тот сделал вокруг них почти полный круг, выбрал ракурс от дверей госпиталя, отщелкал несколько снимков. К подъезду госпиталя подъехал и остановился «уазик».

Шаталов успел увидеть, как Ясна фотографируется с каким-то холеным мужиком. Сжал губы. Она иностранка, напомнил он себе. Ты ни черта не понимаешь в ее жизни, не знаешь, как у нее в голове шестеренки крутятся. Что и как тут принято.

Шаталов не считал себя ревнивым, но уход жены в девяносто третьем здорово поколебал его уверенность – не столько в себе, сколько в понимании женской психологии. Чтобы не раздражаться, он стал смотреть в другую сторону.

Зацокали каблуки, Ясна подбежала к его дверце и постучала ногтем в стекло. Не дожидаясь, пока Шаталов обернется, обогнула «уазик», открыла заднюю дверцу и села с ним рядом.

– Дела – конец, пути – шествие начнем! – выпалила заранее подготовленную фразу по-русски, перепутав слова, но так легко и непосредственно, что в машине как будто стало светлее. Цыбуля фыркнул и сказал: «Драссьте!»

– Ясна, это Вадим Воронов, – представил капитана Шаталов, – незаменим в проведении разведки боем и культурно-массовых мероприятий. Вадим, это Ясна Благович, светило современной медицины, надежда и опора боснийского

здоровоохранения.

Воронов извернулся и церемонно пожал Ясне кончики пальцев:

– Все, что этот человек будет про меня рассказывать, было совсем не так!

– Понимаю! – рассмеялась Ясна. – Про меня тоже!

Солнце село, а фонари еще не зажглись. «Узик» свернул с набережной в сумеречные улицы, закружил среди авторемонтных мастерских, затянутых колючкой бетонных складских заборов. Цыбуля нашел музыкальную волну, заиграл бодрый югославский фолк-рок.

Ясна, не понимая, что задевает Шаталова, взхлеб рассказывала о Штерне.

– Смелый человек! Ездит в Косово до пленных солдат, проверяет их здоровье состояния, кого может забирать с собой, до других лекарства, письма. Как переговориватель между ОАК и нашей армией. Швейцарец, очень нейтральная страна.

Воронов развел руками:

– Еще бы – Швейцария! Сидят в горах банкиры, жуют шоколадки, деньги от туристов считают. Что им ерепениться-то?

Он всматривался в законную полутьму. Узнав какой-то ориентир, ткнул пальцем в окно сержанту перед носом:

– Здесь левее, левее бери! Вон в тот пролаз, между заборами, ага. Гудни-ка пару раз!

Цыбуля с удовольствием дал два коротких гудка.

Шаталов окинул взглядом глухой бетонный забор, ржавые ворота без вывески.

– Интересный ты магазин нашел!

– А я сказал «магазин»? – удивился Воронов. – Это склад. Такой специальный, для своих.

Ворота раскрылись внутрь, «уазик» въехал на едва освещенный складской двор. В прогале между штабелями деревянных палет промелькнула картинка: плечистые парни грузят в микроавтобус темные продолговатые ящики без маркировки. Судя по габаритам, вряд ли люстры. Шаталов усмехнулся, одернул себя: здесь не Босния, хватит бдить. Но привычка так просто не выключалась. Он мысленно воспроизвел стоп-кадр: двое поднимают ящик, двое внутри принимают, еще один – спиной, что-то рассказывает водителю. И какая же знакомая спина!

«Уазик» проехал в глубь двора, встал у открытых дверей в квадрате яркого света. Шаталов выпрыгнул из машины первым, отбежал чуть назад. Двое в салоне, двое у дверей, водитель курит в окошко. Пятеро. Померещилось, что ли?

Сзади подошел Воронов:

– Ты куда подорвался? Нам – вон, на чудесное сияние!

Шаталов встряхнул головой:

– Так, старый друг привиделся.

Цыбуля и Ясна ждали их на пороге склада.

– Товарищ майор, а можно с вами? – попросился сержант.

– Товарищ майор, а можно с вами? – почти без акцента скопировала Ясна и звонко рассмеялась.

Шаталов махнул ладонью: вперед!

Из холодного весеннего вечера, из промышленного пригорода не самой благополучной европейской столицы, из будничной круговерти служебных забот и обязанностей они шагнули в заколдованное королевство отражений и бликов. Яркий теплый свет сотен люстр и ламп окружил и поглотил их. Диковинные стеклянные и хрустальные плафоны окрашивали их лица в разные цвета, щекотали лучами, заставляли жмуриться и улыбаться.

– Как красиво, – полушепотом сказала Ясна по-сербски, оглянувшись на идущего соседним рядом Шаталова.

Цыбуля замер у входа с полуоткрытым ртом, вслушивался, как поют хрустальные подвески, задетые широким шаталовским плечом.

Лишь капитан Воронов не подвергся массовому гипнозу. В Москве Людмила ждала его с трофеем. Насупившись, он уткнулся в ценник на первой же люстре у входа:

– Ты не попросишь свою знакомую с артикулами помочь? Не разберусь, где цена, где номер.

Шаталов смотрел, как Ясна бродит среди люстр, трогает стеклярус, улыбается. Слова Воронова прилетали откуда-то издалека, как что-то лишнее и ненужное.

– Ты ищи давай свою люстру, а там сторгуемся.

Ясна сделала круг, подошла к нему ближе:

– Столько света сразу, что получается волшебство. Будто смотришь из самолета на ночную Югославию. Раньше так было. Полоса света у моря – Дубровник, Сплит, Тиват. Тонкие ниточки огней через горы. Яркими пятнами – Любляна, Загреб, Сараево, а потом и Белград, самая яркая звезда.

Шаталов слушал, как ее слова ложатся в ритм его сердца. Гулкое и тревожное ощущение надвигающегося и одновременно невозможного счастья подхватило его волной, толкнуло в спину, он неловко шагнул к Ясне вплотную. Где-то в другом мире, за пределами сказки, кто-то не злой и не добрый с многокилометровой высоты бестрепетно смотрел на самую яркую звезду – ночной Белград.

– Ты сейчас сама как звезда ясная! – нашел в себе смелость Шаталов. – Вся светишься!

– Свечусь? – сверкнула глазами Ясна. – Значит, есть от чего!

– Нашел! – прилетел из дальнего конца зала победный клич Воронова. – Пять рожков, под два выключателя, плафоны в обсыпку. Вы идете уже?

Треугольная тень хищного неживого крыла перечеркнула огни лежащего внизу ночного города. Кто-то не злой и не добрый потянул на себя рычаг. Продолговатый черный силуэт нырнул вниз, устремился к свету.

– погоди... – громко ответил Шаталов Воронову, напряженно оглядываясь, вслушиваясь, вживаясь в ткань происходящего.

Где-то в многоэтажке ближе к мосту через Саву мальчик Миха прильнул к оконному стеклу. «Смотри, папа, звездочка падает!» – позвал он отца, сгорбившегося с паяльником над разобранным магнитофоном. «Загадай желание», – ответил тот, даже не подняв головы.

– Погоди, – шепотом повторил Шаталов Ясне, осторожно взял ее за плечо, почувствовал, как она тянется навстречу, нестерпимо красивая среди всех этих огней.

Это казалось сказкой, но Шаталов чувствовал кожей, что за границей сказки все идет не так, непонятно, неправильно. Висюльки подрагивали на сквозняке, издавали хрустальный звон, легкую стеклянную вибрацию. Ясна замерла, вопросительно и доверчиво ища его взгляда. Но Шаталов посмотрел мимо нее, вверх, на серый бетонный потолок – и сквозь него, где и добыл ответ.

– Ложись!!! – заорал Шаталов во весь голос.

Навалился на Ясну, повалил ее на пол, подминая под себя.

И успел – за долю секунды до того, как ярчайший свет залил все вокруг, до того, как сорванными лепестками полетели в стороны осколки плафонов, до того, как грохот взрыва и облако пыли накрыли их с головой.

* * *

Даже на маленьком телеэкране видно, что президент России измотан и разочарован. Лицо напряжено, уголки губ

опущены, взгляд не поднимается в объектив телекамеры.

«Я только что переговорил с Жаком Шираком, президентом Франции, и с Клинтоном. Был очень длительный разговор с президентом Соединенных Штатов. Речь шла о том, что через пару часов начнется бомбардировка Косова силами НАТО. Это – удар по всему международному сообществу. Я обращаюсь ко всему миру».

Не к кому обращаться. Мир глух. Мир пассивен. Мир заранее подписался на все, что с ним могут сделать.

Репортаж покажут позже, на следующий день, начиная с утренних новостей. Помимо усталого президента зритель увидит размытую картинку: яркие пятна в мутной темноте, неясные очертания города – крыши, шпили и трубы, светящиеся зерна опускаются в чернозем и расцветают пышными соцветиями.

«Я обращаюсь к людям, которые пережили войну. Я обращаюсь к тем, которые испытали эти бомбежки. Я обращаюсь к их детям. Я обращаюсь ко всем политическим деятелям.

Давайте, пока еще остались какие-то минуты, мы убедим Клинтона не делать этого трагического, драматического шага. Это – безопасность Европы. Это – война в Европе, а может быть, и больше. Это – очень серьезный шаг, и делать его даже без Совета Безопасности ООН...»

Нет минут, истекли, прошли, испарились в первом же взрыве. Президент – открытый и искренний человек, но это не поможет ни ему, ни Югославии. Глас вопиющего в пусты-

не не будет услышан. Сила глуха ко всему, кроме силы.

Только в первую ночь сотни ракет и бомб найдут свои цели в Белграде, Нише, Нови-Саде, Подгорице, Приштине, Панчеве, Ужице, Сомборе, Крагуеваце...

И в следующую ночь.

И в следующую ночь...

* * *

Половина магазина мерцала в огне. В одном углу не хватало стены и потолка, красный глаз Марса заглядывал внутрь удивленно: неужели кто-то уцелел? Электричество выключилось при взрыве, черные скелеты люстр покачивались на фоне горящих штор.

Шаталов почувствовал виском щеку Ясны, ее нежное тепло. Коснулся губами: спокойно, я тут, все нормально. Осторожно отстранился, поднялся, помог встать Ясне.

– Воронов! Цыбуля! Живые?

Неподалеку что-то упало, звякнуло, треснуло.

– Ой, товарищ капитан, – раздался голос сержанта, – достанется вам теперь от супруги...

Из облака пыли на голос Шаталова вышел Воронов с рассеченной бровью и бешеными глазами. Показал пальцем на висящие неподалеку настенные часы:

– Ку-ку! Смотри-ка, встали. Отчего встали? Стрелки на месте, даже стекло уцелело. Мы смотрим на часы, нам вре-

мя подавай! А кто стрелки крутит? Пружины и маятники. Невидимо. Без нас.

Шаталов озабоченно прищурился:

– Ты цел? Не контузило?

Воронов отмахнулся:

– Просто домой уже хотел такие присмотреть, а потом думаю – ну какая кукушка? Ну не при нашей же работе! Люстру нашел – так и люстре кабздец. Теперь не важно. Откладывается мой отпуск. Хорошая у тебя чуйка, майор!

Ясна смотрела на Воронова, как на привидение, и все сильнее сжимала пальцами локоть Шаталова. На ее лицо на смену шоку медленно-медленно выползло отчаяние.

– Опять война! – сказала она высоким обиженным детским голосом.

Шаталов попытался прижать ее к себе, обнять, успокоить, но Ясна изо всех сил отстранилась и крикнула ему в лицо:

– Понимаешь? Опять война!

Пружины и маятники

С большой высоты океан выглядит неподвижным. Нет ни приливов, ни отливов, ни грозных штормовых волн – лишь схематичный рисунок, узор на линолеуме. Зато четко, как на карте, проступают береговые линии островов, архипелагов, континентов. То же и со временем: когда смотришь издали, со стороны, пена дней, сиюминутные события перестают

быть видны и теряют кажущуюся значимость. Но отдельные действия и решения очерчивают контуры будущего.

– ...Не горячитесь, Евгений, прилетайте! Необходимо все спокойно обсудить, подготовим совместный меморандум... – голос в телефонной трубке принадлежал вице-президенту США Альберту Гору. – Вы должны признать: Милошевич не оставил нам поля для маневра, практически спровоцировал нас на вмешательство. Наши действия носят исключительно гуманитарный характер. В создавшихся условиях США и Россия должны выступить с консолидированной позицией...

Гарвардский прононс, доверительные интонации. Речь журчит как ручей, окутывает теплым шерстяным пледом, и так не хочется разрушать иллюзию дружеского общения.

«Борт номер два» премьер-министра Российской Федерации Евгения Максимовича Примакова летел самым верхним для пассажирских воздушных судов эшелоном над ночной Атлантикой. Каждую минуту территория США становилась ближе на пятнадцать километров. С каждым новым словом собеседника принятое решение казалось все более спорным, все менее выполнимым.

Помимо премьера в салоне находились четверо: сосредоточенный переводчик в наушниках с микрофоном – пока без дела, но готов приступить в любую секунду, стюардесса – застыла у дверей пилотской кабины, и двое мидовцев в креслах напротив – помощники в предстоящих переговорах, ес-

ли таковым суждено состояться.

Толстые папки с материалами на столике громоздились кипой, загораживая иллюминатор. Встреча готовилась несколько месяцев, над содержимым папок до последних минут работали тысячи человек с обеих сторон. Но в определенных ситуациях это перестает быть важным.

«Союзная сила» и «Благородная наковальня» – так переводились с английского названия военных операций – НАТО в целом и США в частности – против Югославии. Высокопарные обозначения, характерные для западной военной доктрины. Красочная упаковка, вуалирующая страшное содержимое. «Ласковое убийство» и «Милосердная агрессия». Сцилла и Харибда.

Информация о том, что по югославским городам нанесен первый ракетно-бомбовый удар, застала российскую делегацию на подлете к североамериканскому континенту. Простой звонок вежливости от Гора: мы начали. Звонок, ставящий перед необходимостью непростых решений.

– Одну минуту, Альберт...

Примаков потер виски, нахмурился, оглядел присутствующих. Энергичный Гладышев тут же воспользовался возможностью высказаться:

– Нельзя же вообще не прилететь! Давайте просто сократим визит...

– Почему нельзя? – поинтересовался немногословный Косарев.

Гладышев возмущенно развел руками, призывая премьера признать очевидное.

Примаков прикрыл ладонью микрофон, обратился к стюардессе:

– Позовите командира экипажа!

И продолжил по-английски:

– Вы совершаете огромную историческую ошибку, Альберт... Мы не будем делать вид, что ничего не происходит. Для протокола...

Примаков кивнул переводчику. Гладышев схватился за голову.

– Нелегитимная агрессия США и их союзников по НАТО в отношении суверенной республики Югославии... – продолжил премьер по-русски, и голос переводчика-синхрониста вплеся в мировой эфир, – развязывание без согласования с Совбезом ООН военных действий на территории Европы делает нецелесообразными запланированные переговоры между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки...

– Вызывали, Евгений Максимович? – подошел командир экипажа.

– Разворачивайте самолет. Курс на Москву. Топлива хватит?

Пилоты американских истребителей, подлетающих к точке randevу для сопровождения русского самолета над американской территорией, запросили у диспетчера срочных ин-

струкций: «Ил-96» совершил непредвиденный маневр.

Совсем немного не долетев до береговой черты канадского острова Ньюфаундленд, большая белая птица легла в вираж и по широкой дуге ушла на северо-восток.

Глава 6

Кубань, территория под контролем Вооруженных Сил Юга России

Март 1920 года

Сопроводительное письмо из канцелярии Деникина, добытое для Келлеров Тригоровым, предписывало оказывать предъявителю максимальное содействие для скорейшей доставки ценного груза в порт Новороссийска и далее – на борт любого судна, следующего к проливам. Наличие столь весомой бумаги позволяло надеяться, что путешествие пройдет без излишних задержек, несмотря на военное время.

Два дня пришлось провести на екатеринодарском вокзале в ожидании формирования железнодорожного состава. Город не был родным ни для Келлеров, ни для Маевского. Не с кем было прощаться, некому провожать. Арсений Андреевич, Софья Николаевна и Владимир расположились в одном из служебных помещений, любезно предоставленных начальником станции, – разумеется, после прочтения письма.

Маевский украдкой рассматривал вдову Келлера и ее сына. Со стороны они втроем вполне выглядели как обычная семья: немолодые родители и подросток. Ротмистр закрывал глаза и пытался представить себе, что с ним не посторонние ему люди, а Лидочка и Андрюша, и как хорошо было бы ждать с ними поезда, болтать о пустяках, беспокоиться, не забыли ли дома какую-нибудь безделицу. Но не было рядом Лидии и Андрея. И нигде не было дома.

Мысли о том, как и что будет, чем закончится бесконечная война и случится ли когда-нибудь вообще мирная жизнь, постепенно заполняли, поглощали Маевского. Так уже случилось с ним однажды – в последние дни в госпитале, где вместо радости постепенного исцеления его довела до бессонницы тревога. Всеобъемлющее, высасывающее беспокойство – за близких, за боевых друзей, за состояние фронта, за судьбы страны и мира, и не нашлось ни одной точки опоры, за которую можно было бы зацепиться и выстоять.

Поезд пришел как избавление. Перронная суета, беспардонные грузчики, давка на посадке – каждый штрих казался важным, составляющей частью выполнения поставленной задачи. Маевский не сразу понял, как он благодарен Тригорову за порученное мероприятие, за спасение от бездействия.

Скрежетнула сцепка, вагон тронулся рывком. За пыльными стеклами поплыли сначала пыльные задворки, пыльное предместье, потом пыльная степь.

В вагоне третьего класса, набитом под завязку, посчастливилось на троих занять целиком нижнюю полку. Софье Николаевне уступили место у окна, ротмистр устроился ближе к проходу, Владимир – между ними. На противоположном сиденье разместились седой как лунь чиновник, энергичный неопрятный коммивояжер в клетчатом костюме, пожилая крестьянка с внучкой – неумытой молчаливой девочкой – и козой. Животина звонко переступала с ноги на ногу, боком прижавшись к хозяйке. На вторых и третьих полках обустроилась своя жизнь, оттуда вскоре раздался надрывный храп, потом сверху свесилось колено.

Софья Николаевна, в целом не склонная к частой беседе, среди незнакомцев совсем онемела. Зато коммивояжер не молчал ни секунды, пытаясь втянуть в разговор всех вокруг себя. Подмигивал Владимиру, толкал в бок чиновника, балагурил, фонтанировал прибаутками, историями из жизни, анекдотами.

Затянуть в общение ему удалось только чиновника. Тот больше слушал, изредка оппонировал – идеальный собеседник! Когда речь зашла о политике, коммивояжер внезапно переменился, стал жестким, неприятным. «Полезла изнанка», – подумал Маевский.

– Вот вы утверждаете, столкновение было неизбежно. А разве не мог Николашка увильнуть? Не загонять нас в новую войну? Только-только после Японской раны зализали!

Софья Николаевна, до того безучастная к беседе попут-

чиков, гневно сверкнула глазами, вмешалась в разговор:

– За такие слова о Его Императорском Величестве...

Но не смогла сразу сформулировать, какие именно кары предусмотрены в нынешние времена «за такие слова», а человек торговый не стал ждать окончания фразы, фамильярно перебил:

– Вы, барыня, меня не затыкайте-с! Нету больше ни величества, ни империи. И это не мы с вами устроили! Кто втянул нас в войну против сильнейших европейских империй, скажите на милость? Царь-батюшка – по собственному разумению, нас с вами не спросимши. Нечего было вступаться за сербов, ввязываться в чужую драку!

Софья Николаевна воскликнула:

– Арсений Андреевич, что же вы молчите?

Маевский недоуменно посмотрел на коммивояжера:

– Разве можно было безропотно отступить? Спокойно жить, зная про обстрелы Белграда? Понимая, что южные славяне, едва вызволившиеся из-под османского ига, снова лишаются права обустроить свою судьбу?

– Оно-то так, конечно, – сказал чиновник. – Но что, господин ротмистр, мы выиграли от своего участия? Угробили державу, ничего больше.

– Что выиграли?

– Именно!

Маевский чуть пожал плечами и даже улыбнулся, столь очевидным для него показался ответ:

– Себя.

* * *

Поезд останавливался, казалось, у каждого столба. Дорога, в обычное время занимавшая не более четырех часов, растянулась на вечер и ночь. Устроиться ко сну было негде. Софья Николаевна подложила под щеку что-то из теплых вещей, прижалась к окну, задремала. Владимир лег ей головой на колени, тоже пытаясь уснуть.

Маевский смежил глаза, но вместо дремы приходили хаотичные мысли о лежащем за тремя морями Белом городе, о благородном поступке сербского самодержца, оказавшего посмертную услугу и почесть генералу Алексееву. О самом генерале, благороднейшем человеке, поднявшем знамя борьбы после гибели Корнилова и сгоревшем в разгар наступления от нелепой простуды. О Лавре Георгиевиче Корнилове, единственном человеке, двинувшем на Петроград в июле семнадцатого остатки рассыпающейся армии – и погибшем на глазах Маевского в пламени взрыва.

Ротмистр боялся оказаться ненужным, никчемной обузой. Раздробленное колено и надорванные сухожилия, к счастью, не лишили его возможности ходить, но сесть в седло ему уже не удастся. И что же, спрашивается, делать кавалеристу без лошади? Он успокаивал себя тем, что тщательно взвешивал свои умения, навыки, боевой опыт – все то, что

представляло хоть какую-то ценность, могло стать востребованным. Владение саблей, тактика боя, организация снабжения эскадрона – это могло бы пригодиться в кавалерийской школе, военном училище...

К красным, по слухам, поступило на службу огромное количество царских офицеров и даже генералов. Как они могли встать на сторону тех, по чьему наущению убивали лучших из лучших русского офицерского корпуса? Как такое могло случиться?! Маевский редко кого-либо осуждал, скорее, всегда пытался понять причины чужих решений. Он нашел для себя ответ на этот болезненный вопрос. В начале восемнадцатого, когда он уходил с Деникиным из Ростова с жалкими тремя тысячами студентов, юнкеров и выбравшихся на юг офицеров, Красная армия уже насчитывала сто тысяч штыков.

Ротмистр не исключал, что кого-то заставили служить насильно, под страхом смерти или расправы над близкими. Но не всех же! По ту сторону фронта оказались многие достойные военачальники. И теперь обученная царскими офицерами Красная армия теснит возрожденную царскими офицерами Белую армию, и помощь союзников все чаще называют интервенцией, и популистские лозунги большевиков выбивают почву из-под ног в тылу: вспыхивают крестьянские восстания, бастуют заводы...

Видимо, Маевский все-таки уснул, потому что пришел в себя от того, что Владимир тянул его за рукав. Поезд медлен-

но вползал в рассвет. За окном темными волнами переливались холмы, кое-где кудрявились барашки пролесков. В вагоне властвовал Морфей. Сопение, бормотание, безотчетные стоны, ритмичный храп вплетались в перестук колес. Только терпеливая коза, не мигая, уставилась на ротмистра дьявольскими желтыми глазами.

– Арсений Андреевич! – громким шепотом спросил подросток. – А когда вы сказали этому господину, что мы выиграли себя... Как можно выиграть себя?

Маевский задумался, стараясь подобрать правильные слова.

– Понимаете, Владимир, иногда складываются обстоятельства, в которых правильный путь кажется опасным или даже гибельным. Очень хочется свернуть в сторону, но нужно держаться – и делать то, что должно. Потому что, свернув, мы, возможно, сохраним жизнь – сиюминутно, но себя потеряем – навсегда.

– Но ведь если потерять жизнь, исчезнет возможность сражаться дальше! – возразил Владимир. – И если нет шанса на победу...

Хороший мальчик, подумал Маевский. Путь неблизкий, еще успеем с ним подружиться.

– Фокус в том, – сказал он, – что шанс есть всегда. Даже в самых отчаянных переделках находится спасительное решение. И наоборот, в самой выигрышной ситуации нельзя проявлять беспечность, потому что и враг может найти свой

выход из ловушки. Мир слишком сложен, чтобы учесть все факторы настоящего и все варианты будущего.

— А как вас ранили? — Владимир, видимо, устал от абстракций ротмистра.

— Обязательно расскажу. Вот устроимся на судне, сядем на палубе, станем смотреть на волны и кормить чаек. Времени будет в достатке, на все истории хватит.

Владимир покорно кивнул и чуть отодвинулся. Казалось бы, беседа оборвалась, но Маевскому было важно проговорить начатое до логической точки.

— Поэтому, какой бы ни была диспозиция, мы все равно в ответе за свои решения. Не останется нас, но останется память о нас. Потомки будут знать, что когда-то в имевшихся обстоятельствах мы поступили именно так. В критическую минуту это поможет им выстоять — и сделать свой выбор. Мы выигрываем себя в их глазах. Перед временем, перед историей, перед Богом. Понимаешь, Володя?

* * *

В чем ротмистр Маевский был прав безусловно, так это в том, что будущее складывается по своим, недоступным отдельному человеку законам. Откуда было знать ему, или машинисту паровоза, или бабушке с козой, что в нескольких верстах впереди из заросшего ивой балка в прямую видимость железнодорожного полотна рысью вышел конный до-

зор?

Всадников было трое. Первый – с прямой спиной, надменный, остроскулый, в высокой папахе без кокарды – гарцевал на холеном и норовистом белом жеребце, пока не привыкшем к новому хозяину. Его спутники скакали следом на низкорослых кобылках. На черной неумело сидел в седле человек в кожаной куртке и кожаной кепке, он то и дело подслеповато щурился и поправлял на переносице треснувшие очки. Третьим, на гнедой кобыле, был широкоплечий курносый дитина с белесыми ресницами и бессмысленным взглядом. Под распахнутым тулупом его шею и грудь закрывала от ветра тонкая кружевная шаль в бурых пятнах.

Все трое всматривались в горизонт, пока не увидели зыбкую вуаль дыма из паровозной топки, поднимающуюся за холмами. Первый всадник повернулся и кивнул второму, второй третьему. Тот сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул...

В вагоне стало достаточно светло, чтобы различать буквы. Маевский вынул из планшета походную чернильницу, вечное перо и потрепанный блокнот с отрывными листами. Обустроил из планшета импровизированный стол на сомкнутых коленях. Открыл чистую страницу и замер над ней, прислушиваясь к внутреннему голосу...

Из кустов на опушку потянулись вооруженные люди. Кто в сапогах, кто в валенках, кто в лаптях, в шинелях без погон, в матросских бушлатах, тулупах, кто-то даже в дамском

пальто с меховым воротником. Последние выкатили приземистую короткоствольную пушку. Орудийный расчет поднес ящик снарядов. Издалека прилетел паровозный гудок...

Собравшись с духом, ротмистр начал выводить на листе первые буквы, стараясь сохранить почерк в поездной тряске.

* * *

«Дорогая Ли...»

* * *

Первым же выстрелом орудие вогнало снаряд в вагон, где ехали Келлеры и Маевский.

Глава 7

Расположение российского миротворческого контингента, Босния

27 марта 1999 года

Бег избавляет от мрачных мыслей. Ненадолго – хотя бы на время бега. Можно проговаривать мысль вслух – ритмичными кусками, на каждый шаг. Вытаптывать ее из себя, притуплять многократным повторением. Думать вредно. Думать-вредно. Или на четыре такта: ду-мать-вред-но.

Положение, в котором оказался российский миротворческий контингент в Боснии, было оскорбительным и унижительным. Военная сила, связанная по рукам и ногам. Немые наблюдатели творящейся несправедливости. По статусу «SFOR» российский батальон входил в миротворческие силы в Боснии и Герцеговине на условиях подчинения тем, кто сейчас бомбил соседнюю Югославию.

– Брюхи не развешиваем, зады не волочим! Медленный боец – мертвый боец!

Шаталов прибавил темп в начале последнего круга, и

немногим удалось уцепиться за него, не отстав окончательно. Он свернул на плац, остановился. Ледяной рассветный воздух приятно охлаждал кожу. Подбегавшие солдаты держались из последних сил. Они отдыхались, сплевывали вязкую слюну, понемногу выстраивались в шеренгу перед командиром. Дожидались остальных.

Глазастый Саня Зуев первым заметил в светлеющем небе цепочку крошечных черных треугольников.

– Суки... – процедил он сквозь зубы. – В Боснии, типа, мир берегут, а Югославию утюжат!

Все задрали головы, разглядывая американские самолеты. Подбежали отставшие.

– Разговорчики в строю! – рявкнул Шаталов. – Упор леж, два по пятьдесят, и чтоб пружинило!

Проследив, что все начали отжиматься, Шаталов тоже приступил к упражнению – быстро и яростно. И-раз... И-раз... Думать-вредно...

Закончив первый подход, десантники оставались сидеть на асфальте и снова смотрели в небо.

– Смотри, наш! – сказал Цыбуля и ткнул пальцем в другую сторону небосклона.

Навстречу американским бомбардировщикам летел одинокий югославский перехватчик.

– Вмажь им! – крикнул Саня Зуев, и Шаталов не стал его одергивать.

Он сам смотрел, как сходятся черные точки, как протяги-

ваются между ними белесые линии ракет «воздух-воздух».

– Дава-ай! – тихо протянул Коля Коновалов. – Дава-ай!

Слабая вспышка – и перехватчик начал стремительно терять высоту, потянул за собой темную дымную нить. Беззвучно скрылся за горизонтом, небо на секунду озарилось светлым.

Десантники подавленно молчали. Крепкие ребята, лучшие из лучших, никакого молодняка, собраны поштучно со всей необъятной – а глаза на мокром месте.

– Отставить сопли, – негромко приказал Шаталов. – Упор лежа. Вторые пятьдесят, начали!

* * *

Сколько запланировать на военные траты? Со времен появления первого племени на Земле этот вопрос стал одним из главнейших для любого вождя, правителя, короля, хана, раджи, диктатора, президента. Сколько? – ответ потребовался задолго до появления денег. Сколько – в потраченных человекочасах и человеческих жизнях, в невозполнимых ресурсах, в гениальных прозрениях и кропотливых исследованиях.

Как угнаться за прогрессом в военном деле? Хозяевам крошечных кусочков суши и властелинам великих империй в равной степени приходилось задумываться об этом. Кто обучит крестьян ходить строем, а лучников стрелять зал-

пом? У кого выкрасть секрет пороха? Как научить лошадей не бояться пушечного выстрела? Где купить сталь, годную для танковой брони? Кто рассчитает форму крыла, чтобы оно не отвалилось от фюзеляжа при переходе на сверхзвук? Как обуздать энергию ядерного распада?

Что делать небольшой стране, плывущей среди других небольших стран подобно цветным рыбкам на мелководье, если слева и справа простираются бездонные глубины, населенные зубастыми чудовищами? Сколько же потратить – не для нападения, а всего лишь на оборону! – если скудная казна может обеспечить лишь каплю в море по сравнению с тем, что вкладывают в войну недобрые гиганты?

Военный бюджет Югославии казался большим, пока сопоставлялся с оборонными расходами ближайших соседей. Боевые традиции, выкованные за сотни лет, помогали поддерживать в готовности немаленькую армию – правда, вооруженную тем, на что хватило денег. Оружие старится морально гораздо быстрее, чем выходит из строя. А новая техника стоит баснословно дорого – во многом потому, что она способна эффективно уничтожать старую.

Югославская армия была достаточно оснащена на случай недружелюбных действий любой из соседних стран. Но не для противостояния с мощнейшим военным блоком в мировой истории. В сложившейся ситуации не могло начаться никакой войны. Только бойня. Одностороннее уничтожение слабейшего.

Подобное нападение случилось в апреле сорок первого, но агрессор получил в ответ яростное партизанское движение. Уничтожив четверть населения Югославии, фашисты так и не смогли сломить ее дух – и отступили, канули в забвение.

Новый враг побоялся столкнуться с югославской армией на поле боя и предпочел воевать издалека. Точнее, свысока. Не снимая белых перчаток. Предпочитая не видеть с многокилометровой высоты подробностей и последствий того, что делает.

Но порой ощущение безнаказанности убаюкивает, и всякое может случиться.

Окрестности села Шимановцы, Югославия

27 марта 1999 года

На фоне зыбкого рассветного неба скрытая маскировочной сеткой антенна радиолокационной станции казалась скелетом доисторического зверя. По возрасту РЛС была не намного моложе – поставка из Советского Союза, ввод в эксплуатацию, постановка на боевое дежурство состоялись больше двадцати лет назад. Зато специалисты, обученные работе на станции, срослись с ней в единое целое, предназначенное для обнаружения и уничтожения противника.

– Не рискуй, Золтан! – ожил приемник высокочастотной связи. – Минуту, не больше!

Надпоручик Регович досадливо поморщился: и сам все знал.

За первые три дня югославская противовоздушная оборона потеряла девяносто процентов боевой мощи. Не лучше ситуация была и в авиации – удалось лишь увести часть самолетов в подземные ангары, чтобы избежать ненужных потерь. Небо осталось за агрессорами.

Натовские ракеты наводились на излучение с дистанций, превышающих радиус эффективного обнаружения наземных и воздушных локационных станций. Получалось, что любая попытка засечь вражеский бомбардировщик почти сразу приводила к встречному удару.

– Принесли? – Регович обернулся через плечо.

За открытой дверью стояли сержант и капрал, один держал в руках микроволновую печь в облезлых наклейках, другой – несколько бухт удлинителей.

– С дверкой никак не разберемся, – пожаловался капрал.

– Подключайтесь пока! – Регович вышел из каморки, открыл микроволновку, заглянул внутрь.

Сержант подключил удлинитель к дизель-генератору, разматывал бухту в сторону густого кустарника, обрамляющего опушку леса. Когда провод закончился, он присоединил к розетке второй удлинитель и скрылся в кустах.

– Скользкий рычажок, – сказал капрал, – не подцепляется.

Регович залез в ремнабор, нашел кусок проволоки и пасатижи. Примерился, согнул хитрую загогулину, откусил лишнее. Вставил в защелку микроволновки. Язычок заклинило. Теперь печка могла включиться при открытой дверце. Капрал обрадованно подхватил микроволновку и побежал догонять сержанта.

– Целься в небо на восток! – крикнул Регович вслед и направился к ракетному комплексу.

Надо было торопиться, налеты обычно заканчивались до восхода солнца.

Станцию развернули на западе, недалеко от боснийской границы, в стороне от натовских маршрутов. Где-то там, далеко на востоке, над спящими городами, цветущими садами, свежей зеленью лесов, горными ручьями, живописными холмами шастали чужие. И оставляли за собой разрушенные мосты, воронки посреди шоссеиных дорог, проломленные крыши, исковерканные судьбы.

Хотя бы одного, попросил Регович. Хотя бы одного.

Тот один, о котором просил надпоручик, только что закрыл бомболюки. Пилот многоцелевого ударного истребителя F-117 «Стелс» дождался, пока на экране точно в перекрестье распустятся пыльные цветы взрывов. Затем доложил:

– Сокол, я закончил. Иду домой.

– Хорошая работа, Гриф, – отозвался диспетчер. – В десяточку! По пути проверь сорок пятый квадрат, вчера там засекли необычные помехи.

– Хочешь сказать, у фермеров еще уцелело что-то из ПВО? Поправим!

Самолет, изначально нацелившийся на юго-запад, подкорректировал курс к западу.

Югославский ЗРК С-125 М «Печора» поднял ракеты.

– Готов, – сказал Регович в рацию.

– Готов, – ответил сержант, занявший место на пульте РЛС в ста метрах в глубь леса.

– Готов, – подтвердил капрал, сидящий на опушке рядом с развернутой к небу на восток микроволновкой с открытой дверцей.

– Как договаривались, – сказал Регович. – С Богом, братцы! Начали!

Капрал осторожно протянул руку к лицевой панели и десять раз подряд нажал кнопку «пуск». Микроволновка тренькнула, пискнула, зажглась подсветка, завертелся стеклянный столик. Расходящийся пучок микроволн, не экранированный дверцей, ударил в небо. Капрал отполз в сторону, вскочил и опрометью побежал к ЗРК.

Пилот покосился на мигающий красным экран.

– Сокол, есть источник излучения. Атакую.

В днище «Стелса» раскрылись люки, со стапелей на цель с интервалом в секунду ушли две ракеты «воздух-земля».

– Есть облучение, – дрогнувшим голосом доложил сержант. – Азимут сто десять и сорок две сотых.

– Принял! – подтвердил Регович. – У меня сто десять и

пятнадцать. – Защелкал калькулятором. – Дистанция сорок два километра. Время подлета шестьдесят секунд.

Запыхавшийся капрал занял место рядом с надпоручиком по штатному расписанию. Шестьдесят секунд истекали целую вечность. Потом пол под ногами тряхнуло, ударная волна качнула модуль ЗРК, и следом раздался второй взрыв, как будто еще ближе...

– Ждать! – заорал Регович. – Ждать!!!

Семь... Восемь... Девять...

– Цель уничтожена, – сообщил пилот. – Сделаю пару снимков на память.

Пятнадцать... Шестнадцать... Семнадцать...

– Включай! – приказал Регович. – Наводись на тепло!

РЛС перешла в режим активной локации. Экран был пуст. Сержант переключился на инфракрасный спектр. Жирная точка быстро двигалась к центру экрана. Сработало автоматическое наведение.

– Поймал ворону! – закричал сержант.

– Получи! И распишись! – Регович отжал клавишу, и две ракеты «земля-воздух» встали на огненные хвосты и рванулись навстречу «Стелсу».

Каким бы невидимым ни был самолет, выхлоп реактивного двигателя скрыть невозможно.

– Сокол, я атакован! – удивленно сообщил пилот.

«Стелс» резко уклонился с курса, сбросил тепловые ловушки. Одна ракета ушла в сторону, но вторая догнала

«Стелс» и взорвалась у него за левой дюзой.

– Сокол! Эти гребаные фермеры меня подбили! Я падаю!!!

Сработала катапульта, через несколько секунд раскрылся купол парашюта.

Лишившийся хвоста и половины крыла «F-117», как подбитая ворона, закувыркался в воздухе и размазался по склону холма.

Пятнадцать минут спустя ЗРК Реговича был свернут для передислокации.

* * *

Шесть часов спустя лейтенант Бражников нашел Шаталова в офицерской столовой и оторвал от обеда:

– Товарищ майор! Полковник Платов велел срочно вас найти. Ждет у себя.

Шаталов с сожалением взглянул на исходящий густым паром харчо и поднялся из-за стола.

Путь до кабинета командира батальона занял меньше минуты.

– Вызывали, Сергей Григорьевич?

Когда они познакомились, Шаталов был лейтенантом, Платов – старлеем. Многое прошли вместе. Решение, как обратиться друг к другу: на «ты», на «вы» или по званию и с отданием чести, всегда принималось интуитивно и ситуативно.

– Заходи, Андрей Иванович! У нас нештат, нужны твои ребята.

– Мои ночью с дежурства, товарищ полковник.

– А я в курсе, товарищ майор! Югославы сегодня «Стелс» завалили.

– Да ладно! – совсем не по уставу отреагировал Шаталов. – Вот это повезло!

Сбить новейший «самолет-невидимку» средствами югославской ПВО – советскими зенитными ракетами образца семидесятого года – это была чистейшая фантастика. Либо стечение обстоятельств плюс большая удача.

– Как говорится, везет тем, кто везет, – сухо ответил Платов. – Нашему атташе подтвердили передачу обломков. Эксперты уже на месте, отбирают самое важное. С нас – транспортировка. Выбери семерых. Вменяемых, чтобы без сюрпризов. Со всех возьмишь подписку, и выдвигайтесь. С полной выкладкой.

– У меня все вменяемые.

– Передвигаетесь на гражданском транспорте. Микроавтобус мы одолжили у сантехника, не поцарапайте. Границу пройдете через северный пост, там наша смена обеспечит «окно». Назад той же дорогой. – Платов достал из сейфа и протянул Шаталову запечатанный сургучом конверт. – Остальное здесь. С приветом из радиорубки. Я так понимаю, грузовым транспортом вас снабдят. Давай, осторожней там. Хоть территория дружественная, но уж больно дорогая до-

быча. Так что возвращайся с пером жар-птицы.

* * *

С двадцать четвертого марта небо над Югославией захлопнулось – ни один гражданский или военный самолет не мог оторваться от земли без риска быть уничтоженным силами НАТО. Вывоз из зоны боевых действий в Россию обломков сверхсекретного самолета становился задачей нетривиальной.

«Прочистка засоров, устройство канализации, установка котлов» – значилось на борту старенького «Фольксвагена», похожего на «буханку» микроавтобуса с боснийскими номерами. За рулем сидел прапорщик Самарцев – механик-водитель, вечный соперник Цыбули на всех батальонных соревнованиях.

Следом ехал югославский мебельный фургон. На его бортах и корме был нарисован дюжий и немного придурковатый парень, на раскрытой левой ладони держащий шаткую конструкцию из холодильника, шкафа, дивана и торшера, а правой показывающий кулак с оттопыренным вверх большим пальцем: «Вот так перевезем!»

Машины свернули с асфальта на уходящую в холмы проселочную дорогу, миновали перелесок и уперлись в вооруженный кордон. Навстречу микроавтобусу поспешил солдат с автоматом наперевес:

– Сюда нельзя! Вынужденная посадка, авария. Возвращайтесь на шоссе.

Шаталов открыл дверцу, встал на подножку.

– Здравия желаю! Мне нужен поручик Джигоевич.

Подошел офицер, кивком головы отправил солдата назад.

– Кто такие? Назовите себя.

– Клуб любителей авионавтики. Представьтесь и вы.

– Коллекционер современного искусства, – невозмутимо ответил Джигоевич. – Здесь через холм и направо, там уже все собрано. Я сяду в фургон к водителю.

Шаталов отметил, что местность оцеплена грамотно и незаметно: под одинокими деревьями и у кустарников каждые пятьдесят-сто метров стоял вооруженный солдат. Такую цепь сложно заметить с большой высоты и даже с вертолета.

Машины всползли на холм, с перевала открылся грандиозный вид. Обломки «Стелса» разметало по склону на полкилометра. Крупные куски фюзеляжа спрятались под армейскими маскировочными сетками. В месте первого соприкосновения с грунтом курилась тонкими дымками глубокая и широкая рывтина, ее закидывали ветками. Полсотни солдатиков стаскивали мелкие обломки под тенты.

Фургон обогнал микроавтобус и остановился у одного из тентов, где с обломками возились несколько человек в штатском. Отдельными кучками были разложены шарниры и тяги, электронные узлы с торчащими проводами и микросхемами, фрагменты обшивки.

Шаталов прыгнул на землю, направился к трофеям. Один из штатских двинулся ему навстречу. Значит, не помешалось в Белграде, подумал Шаталов, пытаясь сдержать улыбку. Таких совпадений не бывает. Бек, чертяка, как же я рад тебя видеть! И представился официально:

– Майор Шаталов, командир транспортной группы.

– Юрий Борисович, – сказал штатский, крепко пожимая Шаталову руку. – Подсобрали тут кое-что, можно вывозить. Хрупкое надо доставить целым. К электронным узлам – с особой нежностью. Мои ребята помогут упаковать. Железки, обшивку можно в навал.

И тихо добавил:

– Как сам?

ВДВ и ГРУ часто выручали друг друга в горячих точках. Разведчики передавали десантникам информацию о брешах в обороне противника, десантники прикрывали отход разведчиков из самого пекла. В Афгане Бек и Платов вдвоем тащили по ущелью потерявшего сознание Шаталова почти десять километров. В Приднестровье взвод Шаталова прикрывал группу Бека, запертую во взорванном бэтээре, пять часов до подхода подмоги. Майор ВДВ и майор ГРУ, им было что вспомнить и кого помянуть. На маленьком глобусе их тропинки снова пересеклись.

– Путем! – подмигнул Шаталов.

И прошел мимо, лишь незаметно толкнув Бека плечом в плечо. Незачем посторонним знать об их знакомстве с Юри-

ем Борисовичем.

Десантники топтались у микроавтобуса, осматривались. Тут было на что взглянуть: неподалеку возвышался самый крупный обломок фюзеляжа высотой с двухэтажный дом.

– Это что ж за кракюдя такая?! – восхитился Саня Зуев.

Цыбуля с важным видом разъяснил:

– Про самолеты-невидимки слышал? На утюг похожие. На них ни ракеты не наводятся, ни радары никакие. Где хотят, там и летают!

– Ну, этот, похоже, отлетался! – скептически заметил Коновалов. – Зря пиндосы не предупредили, что он невидимка!

Шаталов вернулся к десанникам:

– Слушай мою команду! Перед нами фрагменты военной техники потенциального противника. Задача: все быстро, но бережно, без поломок и боя загрузить в будку и валить отсюда. Приказ понятен?

– Так точно, товарищ майор! – гаркнул Зуев. – А это правда «невидимка»?

– Невидимок не бывает, боец! А утюги не летают. А если летают, надо разобраться, как они это делают! Разговоры отставить, быстро все сделаем – еще на ужин успеем.

Закипела работа. Цыбуля замахал руками, помогая водителю грузовика сдать задом поближе к железнякам. Откинул затворы, распахнул дверцы, присвистнул.

– Ничего себе расцветочка!

В глубине фургона стоял замотанный в пленку ярко-крас-

ный диван. Это удивило и развеселило всех, кроме Шаталова, – доставка мебели была официальным предлогом для въезда югославского грузовика в распоряжение российского контингента в Боснии. На случай дальнейших разбирательств.

– В красном уголке в самый раз будет, – сказал он. – Прикройте его картонками, что ли. Не подрасть бы!

Также в фургоне нашелся рулон стретч-пленки. Молчаливые «штатские» Бека подтаскивали мелочовку, аккуратно паковали и передавали Шаталову – он устроился на диване с тремя картонными коробками и постепенно заполнял их хрупким грузом. Десантники затаскивали в фургон тяжелые механические узлы. Бек стоял рядом, каждую загруженную деталь отмечал в блокноте. Водитель фургона и сопровождающий – Деян и Ненад, югославы из группы Бека, курили в сторонке. Быстро темнело.

Цыбуля отошел оправиться за микроавтобус, по дороге наступил на что-то хрустящее. Нагнулся, выдернул из земли небольшой кусок обшивки размером с три сигаретные пачки. Радужные пленки ворсились по обломанному краю, на обратной стороне проступали латинские буквы. Прикинув, что такая мелочь ценности для государства не представляет, а вот сувениром будет о-го-го каким, Цыбуля сунул добычу в микроавтобус под свое сиденье.

Зажгли два карманных фонарика, один подвесили на раму фургона, второй положили на крышу и направили на трофеи

под тентом.

Прибежал Джигоевич, что-то резко сказал Деяну, югославы потушили сигареты. Поручик подошел к Шаталову:

– У вас пять минут. После этого немедленно уезжайте. По соображениям безопасности.

Группа Бека и десантники ринулись на погрузку, чтобы успеть вывезти все намеченное. Стало не до упаковки, платы и микросхемы ссыпали в свободную тару. Резко и кисло пахнущую авиакеросином конструкцию с пучками топливных шлангов еле-еле вдесятером заволокли в фургон и плюхнули на диван.

– Ты-то как? – спросил Шаталов, оказавшись плечом к плечу с Беком.

– Дел по горло! – улыбнулся друг. – Не скучно!

Когда Джигоевич ровно пять минут спустя вернулся с угрожающим выражением лица, Деян уже завел мотор, Ненад запирал кузов, а десантники грузились в микроавтобус. Шаталов молча пожал югославу руку и сел на переднее сиденье. Группа Бека растворилась в темноте.

Машины тронулись. Грузовик, идущий первым, заметно просел на заднюю ось. В свете фар промелькнул поручик Джигоевич, смотрящий в ночное небо.

Выбрались с грунтовки на асфальт, потом со второстепенной дороги на шоссе, влились в редкий трафик. Придурковатый парень настаивал: «Вот так перевезем!» Шаталов оглянулся. В той стороне, откуда они уехали, горизонт осветился

серией вспышек.

– Слушать меня внимательно, – сказал Шаталов. – Наша задача – сопровождение фургона. В случае его остановки приказываю немедленно покинуть «рафик», рассредоточиться, держать периметр под контролем. При приближении к фургону посторонних открывать огонь на поражение. Задача ясна?

– Так точно! – нестройно ответили бойцы.

Надолго наступила тишина. Десантники сидели, поставив автоматы прикладами под ноги, молча следили за дорожными знаками. Путь до боснийской границы был неблизкий. Потом с заднего сиденья раздался голос Цыбули:

– А вот интересно, если это настоящий «невидимка», пиндосы, наверное, там у себя уже на кислые щи изошли!

– А то! – отозвался Зуев.

– Оно ж секретное все, – подхватил Коновалов. – Знали бы, где их секреты сейчас катаются!

– Типун тебе! – отозвался из-за руля Самарцев. – Знали бы – уже прилетело бы с неба, мало б не показалось.

– Что, по нам, что ли?! – возмутился Зуев.

– Дубина ты, Зуй! – констатировал Цыбуля. – Мы на штатском транспорте! Твой шеврон с неба не разглядишь. Шваркнули б, как по югам, и вся недолга.

Десантники снова замолчали – видимо, каждый переваривал эту мысль.

На границе их ждали два бронетранспортера. Пристроились машинам в хвост и следовали на удалении – вроде бы как отдельно, но в случае любой проблемы мигом окажутся рядом.

Десантники приободрились и всю дорогу обсуждали, как сбитый «Стелс» повлияет на ход войны. Ведь раз завалили один, значит, эти невидимки тоже уязвимы, значит, можно и нужно сбивать их! Шаталов не вмешивался в разговор рядового состава. Его волновало, успел ли Бек со своими людьми убраться подальше от обломков.

Как же здорово было встретиться с ним вот так, на задании, пусть и мельком! Ощутить, что скручиваются пружины и качаются маятники, о которых говорил Воронов, что дело делается – и стрелка часов однажды перескочит на новое деление.

В часть они въехали поздним вечером. Платов встретил их у гаражей тяжелой техники.

– Товарищ полковник, груз доставлен, задание выполнено, – отчитался Шаталов.

– Молодец, Андрей Иванович! Фургон в бокс, там «ноль-девятнадцатый» БТР. Голый, нутро снято. Неустранимые неполадки. Отзыв на завод. У вас два часа: перегружайтесь, уминайте, трамбуйте, чтоб все влезло... Но деликатно! «Ко-

робочку» тягачом оттащим на аэродром, под борт. Завтра уже в Москве будет.

– Лихо!

– Скорость решает все, Андрюша! Как прошло, штатно? Шаталов на секунду задумался.

– Да пожалуй! Если не считать того, что погрузкой командовал один Юрий Борисович – вылитый наш Бек.

– Наш пострел везде поспел! – рассмеялся Платов. – Ладно! Закончите – дуйте на кухню.

– Ребята до кафаны к Златковичу просились! Разрешишь?

– Много зарабатывать стал рядовой состав! Все по кабачкам... К Златковичу? Это рядом с Красным Крестом, что ли? Разрешаю. Смотри только опять в роддом не загреми!

Глава 8

Расположение российского миротворческого контингента, Босния

Март 1999 года

Десантники шли по слабо освещенной улице. Колонной по двое, впереди задавал темп Шаталов, замыкал коренастый Саня Зуев. Из-за покосившихся заборов торчали ветви деревьев с нежными молодыми листьями. Пахло весной.

Миновали двухэтажный дом за сетчатым забором. Над крыльцом колыхался от ночного ветерка флаг с красным крестом. На втором этаже горел свет. Шаталов в одном из окон увидел силуэт Ясны. Нежданная удача! Он почувствовал, что совсем не голоден.

Метрах в ста впереди показалось плоское одноэтажное здание, над входом помигивала неоновая вывеска «У Златковича», для красоты еще и обмотанная гирляндами. У входа стояли несколько мотоциклов, курила компания подростков.

– Стой, раз-два! Разойтись! – скомандовал Шаталов. –

Значит, так, по залу не расползаемся, спиртным не злоупотребляем. По супу, котлете, и на базу. Заходите, я присоединюсь чуть позже. Цыбуля, за старшего!

– Есть – за старшего, товарищ майор!

Шаталов направился назад к Красному Кресту. На вопросительные взгляды десантников Цыбуля лишь многозначительно и высокомерно повел бровью.

В кафане кипела ночная жизнь: играла громкая музыка, в полутьме разбрасывал зайчики зеркальный шар, в глубине зала извивались полуголые танцовщицы. Несмотря на позднее время, больше половины столиков были заняты. Вдоль стен стояли столы с диванчиками, разделенные перегородками. Цыбуля показал своим на две свободные секции недалеко от входа.

Через стол от десантников сидели американские солдаты из контингента, некоторые приветственно поднимали банки пива. Капитан Роджерс расположился за отдельным столом с двумя шведскими офицерами.

– Гуд ивнинг! – громко поздоровался Цыбуля.

Десантники расселись по диванам, то и дело поглядывая на танцующих девушек.

– Вечер удался! – воскликнул Самарцев. – Не зря этой хреновиной чуть пупки не надорвали! От рук, вон, до сих пор сивухой несет.

Цыбуля, Зуев и Коновалов одновременно понюхали ладони и заржали в голос.

Вскоре перед десантниками появилась большая тарелка с мясом и овощами, потом разливное пиво в высоких кружках. Зуев, сидевший с краю, о чем-то негромко переговорил с официанткой.

– Ты что ей там нашептывал? – насторожился Цыбуля, наделенный статусом старшего.

Зуев не ответил, только хитро подмигнул. Цыбуля убедился, что никто из американцев на него не смотрит, достал из-за пазухи сверток и развернул у себя на коленях.

– Смотрите, ребзя, чего есть!

Все уставились на обломок «Стелса». Первым среагировал Коновалов:

– Ты что, рехнулся, Цыбуля? Ты на хера его стырил? Это ж не сувенир!

– Во-первых, не стырил, а сам нашел. Во-вторых, не сувенир, а трофей! Контракт закончится – отвезу мамке с батей, похвастаюсь.

– Чем похвастаешься-то? – поддел его Самарцев. – Будто сам сбивал!

Десантники по одному рассматривали обломок под столом, трогали острые края.

– Сам, не сам, много ты понимаешь! – вступился за Цыбулю Зуев. – Может, еще внукам будешь рассказывать, в чем поучаствовал.

Официантка вернулась с графинчиком ракии и рюмками.

– Блин, Зуй! Шаталов же просил не бухать!

– А кто бухает? – не стал отнекиваться Зуев. – Тут по три капли на нос! А такое дело, как сегодняшнее, нельзя не обмыть! Внукам, внукам расскажешь. Это же невидимый самолет! Призрак, привидение! А юги его – шварк! И собирайте на совочек.

Как-то так все и восприняли сегодняшнее приключение. Цыбуля махнул рукой:

– Ладно, давайте по-быстрому, пока майор не вернулся, а то влепит мне наряд...

* * *

Едва Шаталов подошел к Красному Кресту, окна наверху погасли. Послышался цокот каблучков по деревянной лестнице. Ясна вышла из калитки, удивленно улыбнулась.

– Доброй ночи! – сказал Шаталов по-сербски.

– Ты уже прощаешься?

– Просто не знаю, до какого времени длится сербский вечер. Ты всегда так допоздна работаешь?

– А я думала, в это время все военные уже спят в казармах!

– И видят сны про медсестер...

– То есть я тебе снюсь?

– И во сне я тебя провожаю.

Ясна взяла Шаталова под руку:

– Но я живу совсем неподалеку.

– Значит, это будет короткий сон. Нам, военным, спать особо некогда.

Ясна засмеялась. Возникла внезапная пауза. Ее пальцы лежали на его локте так правильно – не слишком цепко и не слишком легко, но послушно и невесомо, что Шаталов сбился с мысли и теперь пытался вспомнить, о чем говорил и говорил ей в разговорах, которые еще не произошли.

Ясна помогла ему:

– Откуда ты так хорошо знаешь сербский?

– Не слишком хорошо. Захотелось выучить.

– Я думала, обычно учат английский, немецкий. Почему вдруг сербский?

– Длинная история.

– Жаль. Потому что мы уже пришли.

Они остановились у калитки. За забором виднелась крыша дома.

– А вообще так говорят, когда не хотят рассказывать, – сказала Ясна. – Не хочешь?

– Боюсь испортить сон, – тихо ответил Шаталов.

– Не бойся! – ласково ответила она. – Или давай так: я закрою глаза и как будто усну. Тогда все, что ты расскажешь, будет сном во сне. И если мне не понравится, я просто открою глаза и проснусь. Давай?

Ясна встала напротив Шаталова, положила пальцы ему на грудь. Закрыла глаза и широко улыбнулась:

– Я готова! Сплю!

Шаталов с нежностью и горечью рассматривал ее лицо.

– Мой младший брат, – через силу заговорил он. – Валентин. Я стал военным, а он инженером. Меня надолго командировали в Афганистан, я даже не заметил, как он вырос. Потом я ездил по всему Советскому Союзу, совсем не бывал дома.

Улыбка медленно сошла с губ Ясны.

– Потом я узнал, что он бросил все и исчез. Оставил записку родителям: «Так нечестно. Нужно им помочь». Валентин в девяносто третьем уехал в Сербскую Краину, больше мы его...

Ясна стояла вся белая, но не открыла глаз.

– Если проще, говори на русском. Я же понимаю... чуть-чуть.

– Его могила где-то там, – продолжил Шаталов по-русски. – Я стал учить сербский. Мечтал попасть в миротворческий контингент, рапорты по три раза в год направлял. Думал, приеду, найду Валькину могилу. Даже не разобрался, что здесь в Боснии – Республика Сербская, а Сербская Краина теперь в Хорватии. Выходит, не туда приехал! Дурак, да?

Ясна сильнее прижала пальцы к его груди, открыла глаза. Заговорила по-сербски короткими рублеными фразами:

– Туда приехал. Вы здесь нужны. Слишком много крови. Много смерти. Мало жалости. Совсем мало справедливости. На кого нам еще рассчитывать? В девяносто четвертом нам пообещали мир в обмен на разоружение. Когда нас безоруж-

ных шли убивать в девяносто пятом, войска ООН просто расступились, слились с пейзажем. Если бы тогда здесь стояли русские, все было бы по-другому.

Ясна не замечала собственных слез. Шаталов осторожно смахнул их мизинцем. Она на секунду задержала дыхание и продолжила отстраненно, по-деловому:

– С поисками могилы я могу помочь. По нашей линии. Что известно?

Шаталов достал из бумажника маленькую нечеткую фотографию. Холм, на холме деревянный крест, на табличке всего две буквы и даты: «В. Ш. 1969–1994». Ясна внимательно рассмотрела фотографию, кивнула:

– Я постараюсь.

Шаталов взял ее за плечо. Она не отстранилась.

– У тебя бывают выходные? Свободные дни?

Ясна не ответила, лишь вопросительно приподняла брови.

– Слишком грустный сон получился, – объяснил Шаталов. – Хочу другой... другие.

Она пальцами прикрыла его губы, потом провела по щеке.

– Андрей... Я, наконец, получила разрешение на перевод. С осени ждала. Совсем скоро я переезжаю в Югославию, в Косово.

– Там война, – сказал он, оглушенный, потому что просто не знал, что еще сказать.

Ясна приподнялась на цыпочки, притянула его к себе, долго целовала в губы. Потом отодвинулась и сказала очень

буднично и решительно:

– Вот именно. Там война.

* * *

И все бы ничего, но Саня Зуев, за долгий день накосячившийся при погрузке-разгрузке авиационных железяк – и как такая тяга в воздух-то поднимается! – захмелел стремительно и недобро. Пружина, взведенная в душе событиями последних дней, нападением на Югославию, невозможностью хоть как-то ответить, стремилась разжаться.

Зуев обвел взглядом американских солдат, опрокидывающих жестянку за жестянкой, криво улыбнулся. Поймав взгляд одного из них, сложил из пальцев самолетик и показал, как тот летит, а потом уходит в пике. Американец не отреагировал, отвернулся. Зуев повторил, сопроводив полет самолетика звуком «вье-е-е-ууу», имитируя рев реактивных двигателей. Разговоры за американским столом стихли, теперь уже все смотрели на Зуева. Он снова показал падающий самолет и растянул губы в улыбке.

Роджерс, заметив, что назревает конфликт, отвлекся от беседы со шведами и подошел к столу десантников. Цыбуля под столом пнул Зуева в ногу.

– Какие-то проблемы? – холодно, но спокойно спросил Роджерс.

– Ноу проблем, Капитан Америка! Сорри! – дружелюбно

ответил Цыбуля, радуясь своему остроумию и возможности так элегантно подколоть представителя армии потенциального противника.

Зуев схватил за локоть проходящую мимо официантку, взял у нее пустой круглый поднос с эмблемой клуба «Црвена Звезда» и «примерил» его к Роджерсу, как щит. Самарцев и Коновалов задержали дыхание, чтоб не лопнуть от смеха.

Но американца перформанс не впечатлил. Его взгляд прирос к куску обшивки «Стелса», лежащему на диване между Цыбулей и Зуевым. Роджерс шагнул к столу, нагнулся через Зуева и взял трофей в руку:

– Могу взглянуть?

Зуев вскочил и молниеносно выдернул обломок у Роджерса, но тот перехватил десантника за запястье и вздернул вверх. Будучи выше Зуева на целую голову и тяжелее килограммов на двадцать, Роджерс без труда удержал его и вместе с ним отступил от русского стола.

– Джимми, что случилось? Кажется, это не твоя вещь?

За спиной Роджерса стоял Шаталов. Капитан свободной рукой выдернул обломок из пальцев Зуева и оттолкнул его назад к столу.

– Джимми, не возражаешь? – Шаталов протянул руку, недвусмысленно требуя вернуть забранное.

– Надо разобраться, Андрей!

Роджерс убрал обломок за спину, предупреждая выставил перед собой ладонь. Не пытаясь вступить в дискус-

сию, Шаталов схватил капитана за выставленную руку и с размаху бросил через себя. Под Роджерсом с треском распался на части деревянный стол. Обломок «Стелса» отлетел под ноги Самарцеву.

– Убрал, быстро! – крикнул Шаталов, пока Роджерс поднимался и вставал в боевую стойку.

Посетители из-за центральных столиков разбежались к стенкам. Лишь шведские офицеры не шевельнулись и, не выпуская из рук кружек с пивом, с интересом наблюдали за происходящим. Американские солдаты повскакивали со своих мест. Цыбуля опрокинул стол в их сторону, отгораживая их от офицерского поединка.

– Отставить! – гаркнул Роджерс подчиненным. – Стоять на месте!

– Никакого мордобоя! – приказал Шаталов десантникам. – К выходу, быстро!

Роджерс сделал ложный выпад и точно пробил Шаталову в челюсть, и еще раз, тот отступил, встряхнул головой, поменял стойку. Третий выпад американца ушел в никуда, а Шаталов ударил на противоходе, под костяшками хрустнуло. Он поднырнул под зашатавшегося Роджерса и эталонным самбистским приемом швырнул его через плечо в сторону американских солдат.

Крупное тело производит много шума. Когда капитан «вернулся на базу», его бойцы растерянно заозирались. Шаталов пригрозил им пальцем: без резких движений! Десант-

ники сгрудились за спиной своего командира.

– Цыбуля, – сквозь зубы спросил Шаталов, – вы за ужин заплатили?

– Нас всегда сразу рассчитывают, товарищ майор.

– Исчезли, пулей!

И пока десантники по одному просачивались в дверь, Шаталов обратился по-сербски к застывшим посетителям:

– Извините! Отдыхайте! Доброй ночи!

Роджерс приподнялся с пола, держась за разбитый нос, и крикнул Шаталову вслед:

– Ответишь за это! Как юрист тебе говорю!

Глава 9

Десантники быстрым шагом возвращались в расположение части.

– Кто припер сюда эту дрянь? – угрожающе спросил Шаталов.

– Извините, товарищ майор! – севшим голосом ответил Цыбуля.

– «Извините» здесь не работает. В части поговорим.

– Думали, ушатает он вас, товарищ майор! – осторожно подбросил тему Саня Зуев. – Больно здоровый!

– Шаталова еще никто не ушатал! – мрачно ответил Шаталов, обстановка не разрядилась.

– Товарищ майор, – спросил Коновалов, – а что теперь будет?

Шаталов обернулся, взглянул на него искоса, зло сплюнул кровь на обочину.

– Пистон будет. Размером со штурмовой бомбардировщик. И столовая жратва до конца тысячелетия.

* * *

В комнате командира батальона было холодно, как в склепе: Платов всегда спал с открытыми окнами.

– Я спрашиваю: ты охерел, майор?!

Шаталов пристроился на табуретке и машинально крутил в руках злополучный обломок «Стелса». Полковник в футболке и форменных брюках сидел перед ним на расстеленной кровати.

– Спецы все вокруг прочесали – не заметили, а этот идиот глазастый оказался.

– Я же просил – вменяемых!

– Влепи выговор, Сергей Григорьевич. На «губу» отправь. Все понимаю, недоглядел.

Платов сокрушенно опустил голову.

– Шаталов-Шаталов... Меньше понимаешь, Андрей Иванович, чем тебе кажется.

Полковник поднялся, накинул китель, посмотрел на наручные часы:

– Успеешь. Значит, так. Птицей летишь на аэродром. Борт дождется тебя. БТР уже погружен. Люки все опечатаны. Но ты придумай, как твой вешдок в БТР пропихнуть. Никаких неучтенных предметов с места аварии не вывозилось, ясно? В курсе будет только генерал Сомов. Это все, что могу для тебя сделать. Про безобразную драку ответ будешь сам в Москве держать.

– Какой Москве, Сергей Гри...

– Майор Шаталов! Смирно! Кругом! Пятнадцать минут на сборы. Исполнять!

Оставалось только выполнить прозвучавшие команды.

Сжав кулаки, Платов слушал, как шаги друга затихают в

коридоре.

* * *

Сколько продлится отъезд? Как все повернется в Москве? Что брать с собой?

Контингент – хоть и военная миссия, а все-таки загранка. И рядовой, и офицерский состав получал какие-никакие суммы в валюте, по углам и тумбочкам копились коробки с бытовой техникой, пакеты с джинсами, модным шмотьем – кому для себя и родных, кому на продажу или под заказ.

То ли Шаталов как-то не прилипал к вещам, то ли вещи не липли к Шаталову – за три года в контингенте он не разжился барахлом. Сборы вместо отведенных пятнадцати минут заняли пять. Долгое ли дело – выгрести одежду с полок в чемодан, а все прочее загрузить в вещмешок.

С того момента, как Ясна сообщила о переезде в Косово, окружающая действительность не очень-то соприкасалась с Шаталовым. Он погрузился в густой туман внутри самого себя, а на внешние раздражители реагировал автоматически, на рефлексах. Дурацкая проделка Цыбули, столкновение с Роджерсом – по сути, международный конфликт, отзыв в Москву – все оставалось размытым, не в фокусе. Мысли снова и снова возвращались к Ясне.

«Настоящие солдаты сейчас в Косове», – сказала она тогда, в январе. И, как настоящий солдат, сама стремилась ту-

да – в опасность, в кровь и боль, чтобы быть полезной, чтобы спасти жизни.

Шаталов всегда ставил общее дело выше личного, так был воспитан в детстве, да и военная служба – огромный сложный механизм, приучающий человека встраивать свои желания и чаяния в рамки совместного действия, – закрепила в нем нацеленность на достижение общей цели. Что Ясна могла ему ответить? Как они могли совместить тяготение к друг другу с центробежной силой, растаскивающей их в разные стороны?

Прощание с Ясной вышло скомканным, неправильным. Шаталов сослался на подчиненных – хороша отговорка, кабак с девицами! – и по сути сбежал, ничем не ответив на новость о ее отъезде. А чего она ждала? Поддержки? Восхищения? Просьбы не уезжать? Можно было дать ей и то, и то, и то...

Лейтенант Бражников принес пакет с документами, на его лице читалось сочувствие. Они не были близки, но Шаталов решил попросить помощи:

– Рома, выручай...

* * *

От работающих вхолостую турбин воздух дрожал и плавился. «Ил-76» ждал на рулежке аэродрома «Углевик» с открытой рампой. Шаталов взошел на нее с вещмешком и

небольшим чемоданом, оглянулся на взлетное поле, бетонный забор с кольцами колючки, розовеющие над ним горы.

Стоило ему шагнуть в чрево транспортного самолета, рампа начала закрываться, отрезая Шаталова от Боснии, Балкан, самого себя. Кто-то из экипажа показал ему откидные лавки вдоль борта и тут же ушел в кабину. Закрепленный стальными тросами, в полутьме грузового отсека стоял БТР под номером «019». Шаталов обошел его, нащупал пальцами смотровую щель, просунул в нее обломок «Стелса», тот проскочил внутрь, глухо лязгнув по броне.

Шаталов положил ладонь на люк механика-водителя:

– Ну что, брат «ноль-девятнадцатый»? Списали нас, похоже!

Шаталов устроился на десантной лавке с торца, прижался виском к иллюминатору. Отсюда была видна дорога, по которой его только что привезли, площадка перед шлагбаумом. Стремительно светало, и с каждой минутой становилось яснее, что на дороге никого нет.

Где же ты, Бражников? Что-то случилось в дороге? Ты нашел ее? Что она сказала? Не смогла приехать? Не захотела? Вопросы заползали один на другой, перекликались эхом, порождали все новые.

Она сербка, напоминал себе Шаталов. Она росла на других книжках, ее смешили другие мультфильмы, в школе преподавали другую историю. Традиции, культура, привычки, правила – все другое, не наше. Что значил этот поцелуй?

Эта мимолетная ласка? Что это было? Утешительный приз – или крик о помощи? Ведь это мужчина должен сказать: будет так! Взять за руку и повести за собой. И надо было что-то сделать – а вместо этого ты сбежал в кафану... И едва успел, чтобы предотвратить такое, о чем и подумать страшно...

Турбины запели громче. Самолет качнулся и тронулся вперед. Проехал по рулежке, плавно развернулся на взлетную. До последней секунды Шаталов прижимался щекой к стеклу иллюминатора и ждал, что на дороге блеснут фары бражниковского «уазика». Потом дорога исчезла из виду, переборки задребезжали, «ноль-девятнадцатый», как конь в стойле, потянул за удерживающие его постромки.

Самолет разогнался, привстал на дыбы и взмыл в небо. Боснийские холмы поплыли за иллюминатором, быстро мельчая, отодвигаясь, превращаясь в плоское изображение аэрофотосъемки.

«Ил-76» поднялся над цепью ползущих от Адриатики облаков, и в вышине над ними Шаталов разглядел пять черных треугольников. Хищники возвращались с охоты.

Глава 10

Севастополь, Крым

Октябрь 1920 года

Война стремительно катилась к концу. Позабылись надежды и чаяния восемнадцатого, весь девятнадцатый чаши весов колебались в шатком равновесии, а теперь будто кто-то бросил на одну из них пудовую гирю. За два с половиной года красные из плохо обученного, но берущего напором противника превратились в настоящую вымуштрованную военную силу, расправили крылья, почувствовали вкус победы. Каждый их следующий удар становился точнее, хладнокровнее, губительнее. Белые отходили, перегруппировывались, огрызались яростными контратаками, но исход уже был предначертан и любому здравомыслящему человеку виден невооруженным глазом.

Вооруженные Силы Юга России оставляли последние укрепленные рубежи Таврии и Кубани, отступали в Крым за неприступные валы Перекопа. Для каждого, кто с материка успел перебраться на полуостров, ключевым стало: «Успел!»

Эта война – не такая, как прочие до нее, была особенно безжалостна к побежденным. Крым оказался временным спасением для Белой армии – и окончательной ловушкой. За морем лежали чужие земли. Россия заканчивалась здесь, на Графской пристани Севастополя. Чужбина или погибель – невелик выбор.

Мелководные бухты Ялты, Феодосии, Керчи не могли принять суда с серьезной осадкой, все самое важное происходило в Севастополе. Причалы не справлялись с потоком грузов, на рейде творилась анархия, регулярная продажа пассажирских билетов прекратилась, потому что в ход пошли другие проездные документы: предписания, ассигнации, золото.

Георгий Лукич Барахин, отставной офицер-кавалерист, инвалид по ранению, а ныне – забавный фортель судьбы! – служащий морского порта, не спал уже больше полутора суток. Круглолицый, усатый, громогласный, метался по складам и пирсам, конторам пароходств, артелям грузчиков, договаривался, пресмыкался, угрожал, задабривал – и грузы, за которые отвечал лично Барахин, оказывались в трюмах судов несколько раньше прочих.

Изящную трость пришлось сменить на простой солдатский костыль – иначе на деревянной ноге много не напрыгаешь. Горячее времечко! От недосыпа голова была легкая и звенящая, не свалиться бы где-нибудь под кустом. Все-таки пятьдесят лет – возраст уже не юношеский, нет-нет да и за-

рябит в глазах, екнет в боку...

На подходе к конторе дорогу перегородила незапряженная телега. Человек со свежим, еще не зарубцевавшимся шрамом от ожога на скуле и виске понуро сидел на обочине под оглоблями. В телеге лежал гроб.

– Любезный! – издалека крикнул Барахин. – У нас вроде не помер никто! Вертай с дороги, скоро военный обоз пойдет, вмиг в канаве очутишься. Слышишь, нет?

Человек медленно поднялся.

– Жорж! – сказал он. – У меня лошадь украли, представляешь?

«Жорж» – это было что-то из прошлой жизни. Сейчас все больше «Георгий Лукич». В незнакомце Барахин узнал ротмистра Маевского – бывшего однополчанина. В четырнадцатом они скакали бок о бок в той атаке, когда германская ручная граната разорвалась у его коня под брюхом и оставила Барахина без ноги.

Барахин привел Маевского в контору, усадил на посетительский стул перед заваленным бумагами столом, угостил кипятком и сухарями. Гость урывками, понемногу рассказывал свою запутанную историю. Откровенно говоря, для досужих разговоров времени не было – зуммер телефона дребезжал без умолку. Барахин обрадовался встрече со старым приятелем, но работа не давала вникнуть, о чем говорит Маевский.

– Барахин у аппарата!.. Какая пенька?! Что – Георгий Лукич? Ах, ждут? Вот пусть и ждут спокойно, а не галсами ходят! Обещано – значит, будет!

Стоит положить трубку, телефон тотчас звонит снова.

– Бара... Откуда я тебе найду сейчас лошадь, Кошкин? Иди к водовозам! Иди к золотарям! Думай, Кошкин, с людьми разговаривай, Кошкин, учись, договаривайся! У тебя час! Все!

Барахин бросил трубку на рычаг, утер лоб платком.

– Понимаешь, Маевский, все вокруг как дети неразумные! Армия – толоконные лбы, флотским все прямо вынь да положь, штабные – эти как с облака на ангельских крылышках спустились. Хотят, чтоб все само, чтоб как втемяшилось, так и повернулось, а это ж порт! Вот и подтираю носы с утра до ночи! А тут еще ты на мою голову!

Маевский с извиняющимся видом настаивал:

– Жорж, если ты мне не поможешь, значит, некому больше. Я ж вижу, что вокруг делается.

– Давай-ка еще раз, по порядку. Где родственнички-то? Гроб стерегут? Что сами не просят?

Маевский выпрямил спину, опустил глаза.

– На пути из Екатеринодара красные прорвались к железной дороге, атаковали наш поезд. Обстреляли из полевых орудий. Софья Николаевна, вдова Келлера, погибла сразу. А сына их я еще месяц пытался выходить. Не получилось.

Барахин задумался, потом с видом победителя откинулся

на спинку кресла.

– Погоди. Ты хочешь сказать, что семья этого твоего Миллера ехала с тобой вместе, но теперь никого не осталось, по лесам, по полям закопаны? А ты собираешься тащить гроб в Сербию? Ты в своем уме, ротмистр?!

– Я дал обещание, Жорж. При чем здесь его семья?

Барахин привстал, перегнулся через стол, почти коснулся хищными усами щеки Маевского. Заговорил негромко, но каждым словом словно заколачивал гвоздь:

– Я тебе вот что скажу. Из Таврии каждый день состав приходит. И каждый день – вагон. А то и два. Штабелями. Гробы. Понимаешь? Что за шишка был твой этот?.. Давай я свяжусь с кем надо, на военном кладбище хорошую могилу подберем. Не до сантиментов сейчас, Маевский!

Ротмистр отрицательно покачал головой:

– Не обсуждается, Жорж.

Задребезжал телефон, Барахин сдернул трубку.

– У аппарата! Так точно, господин полковник! Вагон прибыл, стоит на запасной ветке, к вашему взводу охраны я дозор в усиление отрядил. Погрузка? Погрузка ожидается в воскресенье. Никак нет, не на «Гасконь»... А зачем вы на меня кричите, господин полковник? Я вам не каптенармус, а представитель стивидорной компании, и извольте придерживаться... Расстреляете? Вот это отменное решение, господин полковник! Сам Петр Николаевич вам благодарность выправит за сорванную эвакуацию. Жду расстрельную ко-

манду!

Шмякнул трубку на рычаг, процедил сквозь зубы замысловатое ругательство.

– Жорж, пока тебя к стенке не прислонили, помоги, а?

– Вот же гроб с музыкой, шарманка с лебедями! Пойдем-ка.

Барахин встал из-за стола, направился к двери, клацая о пол деревянной ногой и бормоча сквозь зубы:

– Расстреляет он меня, ветошь, сукно штабное!

Маевский подхватил с пола небольшой обшарпанный чемодан и последовал за ним. Они вышли на покосившееся крыльцо заднего двора. Ротмистр едва не споткнулся о громоздкую чугунную урну, доверху с горкой заполненную папиросными окурками. Между сараями-дровяниками за голыми ветками кустов открывался вид на Севастопольскую бухту. Десятки судов дожидались на рейде, на всех причалах шла погрузка. Порт кипел, реагируя на великий исход белого воинства. Барахин отвел Маевского в сторонку от крыльца.

– Как, говоришь, фамилия твоего усопшего-недоусопшего? Миллер?

– Келлер, – в очередной раз повторил ротмистр.

– Не помню такого.

– Артиллерист, еще с Японской его знаю. А здесь у Алексеева при штабе – правой рукой его был. Снаряды, амуниция, охрана путей, много чего еще.

Барахин поморщился:

– Еще один штабс-крабс...

Маевский схватил его за локоть, встряхнул:

– Да не важно это, Жорж!

Барахин нарочито протяжно вздохнул, нахмурился, оценивающе посмотрел на ротмистра.

– В общем, можно устроить. Быстро как в сказке. «Гасконец» идет к Босфору, отчалит сегодня до заката. Впихну тебя туда спецгрузом вместе с твоим Миллером. Но это... в общем...

Маевский торопливо положил чемодан на землю, открыл, достал перевязанную бечевкой стопку ассигнаций.

– Все понимаю, Жорж. Вот.

Барахин покачал головой из стороны в сторону, вздохнул еще тяжелее.

– Нет, ротмистр. Ни черта ты не понимаешь. Кому эти фантики через месяц будут нужны? На них сейчас гнилой картошки не купишь.

Маевский не сдавался:

– Тогда вот еще.

Вынул из-за пазухи бархатный кисет, вытряхнул на ладонь несколько украшений и три небольших бриллианта. Барахин достал монокль, изучил камни на ладони Маевского, прищурился, потрогал пальцем.

– Ничего не понимаю в этих стекляшках.

Пошевелил пальцем ворох цепочек, из-под них показался маленький золотой медальон с гравировкой. Барахин заин-

тересовался:

– Смотри-ка! Георгий Победоносец! Изящная штучка.

Он взял у Маевского кiset, сгреб с его ладони все драгоценности. Подумав, забрал и пачку ассигнаций. После чего сказал, отводя глаза:

– Ты правильно пойми, Маевский! Это ж я не себе. Тут и комендатура, и грузчики, и портовый пригляд, ерш не проплывет, мышь не пролетит. Да и время скверное. За Перекопом уже погромыхивает. Все обесценивается. Не обессудь, ротмистр. К пяти пополудни будь на пятом пирсе... с этим твоим Миллером.

Барахин хлопнул Маевского по плечу и, не оглядываясь, вернулся в контору.

* * *

Голодная чайка нарезала круги и восьмерки, смотрела с чайачьей высоты, как колышется море, а в море – другое море. Море человеческих голов. Белые барашки – бинты, замотанные головы раненых – кто способен стоять на ногах.

Палуба «Гаскони» была забита – не присесть. Посреди людского моря темнел остров-гроб, подвешенный на таях вместо шлюпки. Ротмистр Маевский лежал на нем на боку, поджав колени к животу.

* * *

«Дорогая Лида!

Непредвиденные обстоятельства надолго отодвинули исполнение порученной мне миссии. Путь лежит за пределы Отечества. Нет спокойствия, нет уверенности в благополучном исходе. Предательские мыслишки жалят зло, как осенние мухи: а вернусь ли? Увижу ли снова родные берега? Только порученное дело и помогает сохранить твердость духа.

Не удивляйся моему нытью. Да и вряд ли я отправлю это письмо. Лучше перепишу его снова, когда уляжется буря в душе. Незачем вам с Андрюшей тревожиться еще и моими страхами. Надеюсь, вы устроены благополучно и не испытываете нужды. Мечтаю о встрече!

Твой любящий Арсений».

* * *

Полоска берега за кормой совсем истончилась. Чайка сделала прощальный круг, пронзительно крикнула и полетела назад к Севастополю.

Часть вторая

Внутренняя баллистика

Глава 11

Ночь пахла мускусом, порохом, паленым мясом. Ночь вторгалась в госпиталь сквозь москитные сетки гортанными возгласами, истеричными криками, автоматными очередями. Трехсоттысячный Кигали вскипел в одночасье, едва пришла весть о гибели президента Хабиариманы. Госпиталь – одноэтажная беленная мелом развалюха под флагом Красного Креста и Полумесяца – казался светлым островком спокойствия в черном океане паники и ненависти, захлестнувшим столицу Руанды.

Операция длилась вечность. Когда пот начинал капать с бровей профессора, он коротко командовал: «Лоб!» – и Ясна марлевым тампоном промокала ему лицо. На операционном столе лежал пожилой скотовладелец-тутси. Профессор стежок за стежком стягивал края страшной рваной раны от удара буйволиного рога. Две медсестры из местных, одна тутси и одна хуту, ассистировали ему беззвучно и слаженно.

Когда последний узелок был завязан, а нитки отрезаны, профессор устало стянул хирургические перчатки:

– Жить будет. Только избавьте меня от общения с благодарными родственниками.

Он вышел через заднюю дверь, ведущую сразу в общую палату, смрадный зал с шестьюдесятью койками, где лежали вперемешку мужчины и женщины, дети и старики, больные и раненые. Одна из медсестер направилась следом за профессором – за свободной каталкой. Другая строго взглянула на Ясну.

– Присмотри за пациентом. Я иду говорить с семьей, – сказала по-французски почти без акцента и вышла в коридор приемного покоя.

Ясна осталась наедине со спящим скотовладельцем. Монитор, вторя профессору, показывал нормальный сердечный ритм: жить будет.

Ясна подошла к окну. Госпиталь стоял на вершине холма, отсюда открывался панорамный вид на разгорающуюся гражданскую войну. Столбы дыма, подсвеченные языками пламени, тянулись к небу на окраинах. Вспышки выстрелов зарницами окрашивали небо над горизонтом. Вот я и здесь, папа, тихо сказала она. Еще полгода назад я не знала про Африку ничего – или почти ничего, как и все вокруг. Кому у нас какое дело до Африки, до сотен обитающих здесь народов? Без малого миллиард человек обречены на нищету, голод, лишения. Как мало мы видим из ослепшей Европы, как ревностно стараемся не потревожить домашнего спокойствия! Но я здесь, папа! Я буду как ты, и мои глаза открыты!

За дверью приемного покоя что-то стукнуло, упало, потом послышались тяжелые шаги. Видимо, родственники все-таки попытались прорваться к пациенту, сообразила Ясна. Встала перед входом в операционную, сложила руки на груди, строго нахмурилась. Больной должен отдыхать, разве непонятно?

Дверь открылась. На пороге стоял одетый в камуфляж высоченный хуту с мутными глазами. Он держал в руке пангу. С заостренного конца огромного тесака на пол капало красное.

Хуту с трудом сфокусировал взгляд на Ясне, на красном кресте, вышитом на ее халате, что-то сказал на киньяруанда, потом повторил по-французски:

– Где владелец буйволов?

– Сюда нельзя, – машинально сказала Ясна, уже понимая, что перед ней совсем не благодарный родственник. – Больного только что прооперировали, нужно помочь ему прийти в себя, обеспечить покой...

– Ты не сможешь ему помочь, белая мадемуазель, – устало ответил хуту, небрежно отшвырнул Ясну в угол и подошел к операционному столу. – Ему нельзя помочь, потому что он тутси!

Ясна поднялась на ноги и бросилась к входу в общую палату. Она старалась не смотреть, но все равно увидела, как хуту приложил к горлу спящего тутси лезвие панги и не спеша потянул на себя.

Сонные люди удивленно смотрели, как молоденькая белокожая медсестра пытается запереть распашные двери операционной на хлипкую латунную защелку.

– Бегите! – крикнула Ясна что есть сил. – Бегите отсюда!

Любопытные черные глаза, белозубые улыбки, перешептывания, смешки. Здесь никто не понимает французского, леденя, догадалась она.

Повернулась к дверям, изо всех сил уперлась руками в створки. Не впустить! Не дать чудовищу войти сюда!

Удар был совершенно нечеловеческой силы, и створка прилетела ей в лицо...

* * *

Ясна сначала потерла ушибленный висок, потом открыла глаза. Наверное, задремала, и подбородок соскочил с кулака. Или просто автобус качнуло.

Свет фар на секунду вырвал из темноты указатель «Косово». Сон больше не шел – и к лучшему. В этом сне Ясна знала каждый звук, каждую пылинку. И ей совсем не хотелось снова возвращаться в апрель девяносто четвертого.

В поселке на подъезде к Приштине автобус затормозил у бензоколонки. Пассажиры в основном спали. Водитель объявил остановку на пятнадцать минут и ушел. В открытую дверь пробрался холодный ночной воздух.

Ясна, стараясь не потревожить спящую попутчицу, вы-

бралась в проход и вышла из автобуса. Рядом с бензоколонкой светился навес, под ним закутанная в платок старушка торговала растворимым кофе из разнокалиберных термосов.

На другой стороне дороги стоял полуразрушенный дом. Длинная трещина рассекала фасад. На уровне второго этажа в стене застряла неразорвавшаяся авиабомба. На ее лоснящемся черном боку красовалась корявая рукописная надпись: «Do you still want to be Serbian?» – «Все еще хочешь быть сербом?»

Какое им дело до сербов? Ясна почувствовала, как кровь приливает к голове. Что они знают о сербах? О боснийцах? Хорватах? Косоварах? Кто дал им право сбрасывать свои издевательские послания на югославскую землю? Что они умеют, кроме как сеять раздор, подбрасывать поленья в огонь, натравливать брата на брата? Для них, бесстыжих и безжалостных, мы просто хуту и тутси, дикие аборигены, абстрактные племена, столбики цифр в отчетах о прибыли.

Ясну зазнобило, она поспешила вернуться назад в спертое тепло салона. Но прежде чем подняться на первую ступеньку, снова посмотрела на черную тушу бомбы и негромко произнесла вслух:

– Yes. I do.

*Окрестности города Глоговац,
автономный край Косово, Югославия*

Апрель 1999 года

Въезд на территорию госпиталя охраняли военные. Розовощекий капрал перелистал все страницы в паспорте Ясны, потом бегло просмотрел сопроводительное письмо от Красного Креста.

Длинное трехэтажное здание расположилось в глубине парка. Ясна с небольшим чемоданом прошла по щербатым прогулочным дорожкам к центральному входу.

Несколько окон второго этажа были забраны решетками. В одном из них курил смуглый мужчина в больничной пижаме. Заметив, что Ясна на него смотрит, он ощерился, медленно провел языком по верхней губе.

На входе в госпиталь документы проверили снова – на этот раз полиция.

– Где мне найти заведующего отделением хирургии? Йована Словича? – спросила Ясна.

Полицейский что-то буркнул в рацию, и через пару минут на пост подошел полноватый рыжеволосый мужчина средних лет, прищурился сквозь круглые очки:

– Вы Благович? Очень своевременно прибыли! Госпиталь переполнен, а персонал подсократился, прямо скажем. Уезжают. С начала бомбежек поток растет с каждым днем.

Совсем не похож на хирурга, подумала Ясна. Мягкий, трепетный какой-то.

Завотделением повел ее мимо пустынной регистратуры и запертого аптечного киоска к центральной лестнице. Влево-вправо уходили коридоры, и они были заставлены дополнительными койками. Свободных Ясна не заметила. Пахло дезинфекцией, старыми бинтами, жареной рыбой.

На втором этаже напротив поста дежурной медсестры двое полицейских сидели по обе стороны от закрытой двери. Ясна почувствовала их оценивающие взгляды.

– Здесь «особая» палата, – объяснил Слович, – для арестованных. В основном косовары, но есть и албанцы. Даже один араб.

– ОАК? – спросила Ясна.

Внутри словно тренькнула неслышная струна. ОАК! Не в выпуске новостей, не на газетной странице, где что угодно покажется картинкой из далекого далека, а прямо здесь – вот за этой обычной дверью.

– Кто же еще! – пожал плечами Слович. – Вам ими заниматься не придется, в штате есть косоварки.

– Если что, я немножко понимаю албанский, – сказала Ясна.

– Надеюсь, не пригодится. Познакомьтесь...

Из-за стойки поста к ним вышла медсестра – смуглая ко-
соварка жгучей красоты, на вид лет тридцати пяти.

– Тогда добро пожаловать! – сказала она по-албански.

И продолжила на сербском:

– Меня зовут Ветон. В «особой» палате публика специфическая, тебе там появляться не стоит.

– Ясна Благович. Красный Крест. Работала в Африке, потом в Боснии. Со всяким приходилось сталкиваться.

Медсестра чуть повела бровью:

– Здесь и без раненых оаковцев работы хватает. Везут и везут. Огнестрельные, осколочные, ожоги, баротравмы, контузии.

– Ветон работает в ночную смену, – сказал Слович. – Сегодня специально пришла пораньше, чтобы застать вас.

Ясна кивнула Ветон.

– Рада знакомству.

И уточнила у Словича:

– Я приступаю с утра?

– Да. Сегодня располагайтесь, осматривайтесь, отдыхайте. Пойдемте, покажу ваше жилье.

Завотделением провел ее по лестнице наверх, где часть третьего этажа была отделена перегородкой под жилую зону для персонала. На натянутых лесках сушились халаты и белье, за открытой дверью в кухню светились голубым огоньки газовых плиток.

– Главврач разрешил выделить место под жилье, – объяс-

нил Слович. – Хотя как-то удержать персонал. Раньше госпиталь был многопрофильный, в системе министерства обороны, современная аппаратура, лучшие врачи, хорошее финансирование. А сейчас только мое отделение и работает, все остальные перевели в Ниш.

Завотделением открыл одну из дверей, передал Ясне ключ:

– Если что, запасной в сейфе у главврача. Так что не теряйте.

– Постараюсь! Строгий?

Комната была маленькая и чистая. Ясна поставила чемодан на стул, осмотрелась. Слович остановился на пороге.

– В разумных пределах. Но к порядку относится ревностно. Для нашего хаотичного времени – самое то... Видите, здесь все есть, даже санузел отдельный. Погладить одежду, приготовить еду – в общих помещениях, разберетесь. В рекреации – телевизор, диваны. Коллектив сработавшийся. Надеюсь, все понравится.

Ясна показала на настенный календарь с логотипом «От сердец к сердцам».

– А это откуда? Доктор Штерн и к вам приезжает?

– Случалось! У нас истории болезней, медицинские карточки по всем военным частям Косовского округа. Серьезный человек, важное дело делает. Вы знакомы?

– Имела удовольствие. У меня даже ручка с логотипом есть.

Завотделением рассмеялся.

– Располагайтесь. Постельное белье и рабочую одежду получите у кастаньяни в конце коридора. Всего доброго! Завтра в восемь жду в ординаторской.

Оставшись одна, Ясна задумчиво подошла к окну. От ворот госпиталя тянулся луг, вползал на холмы, упирался в черную линию леса. Бронетранспортер застыл перед центральным входом. Автоматчики прогуливались по углам парка и у центральных ворот. Армия на страже, потому что враг рядом. ОАК! Здесь, за дверью на втором этаже – и там, за больничной оградой. Возможно, совсем недалеко.

Ясна снова бросила взгляд на стену. Видимо, прошлый жилец уехал в самом начале войны – на календаре все еще был март. Так недавно и так невообразимо давно прилетел голос из темноты, и жизнь перевернулась с ног на голову, как будто и без того все не было запутанным...

* * *

«Ясна! Ясна Благович! – Незнакомый голос с русским акцентом звал из-за забора посреди ночи. – Ясна! Проснитесь! Андрей уезжает!»

Наспех одевшись, она схватила фонарик и выбежала во двор. За калиткой ждал русский офицер с двумя маленькими звездочками на погонах. Он рассказал, что Андрея срочно вызвали в Москву. Чтобы попрощаться хотя бы мельком,

надо ехать сразу в «Углевик», оттуда вылетают военные самолеты.

Как – «попрощаться»? Нельзя прощаться, не договорив! Нельзя расставаться на полуслове, на полувздохе, не объяснившись! Накануне Ясна сказала Шаталову о предстоящем отъезде в Косово, но это было совсем другое. Одно дело рассуждать о будущем расставании, и совсем другое – просто исчезнуть в один миг...

Офицер сел за руль сам, и они понеслись на аэродром. С каждым километром Ясна все четче понимала, насколько для нее важно – успеть. Она еще толком не знала Андрея, но легкое и светлое предчувствие похожести, сродства наполняло ее глубже и глубже.

Два бродяги. Бродяга-воин и бродяга-лекарь. Неважно, что служба и долг вот-вот растащат их прочь друг от друга. В ней нарастала иррациональная, искрящаяся, как шампанское, уверенность: как-то можно обойти все «но», что-нибудь придумать, чтобы снова и снова оказываться рядом, совсем рядом...

Перед безымянной речушкой, которой и на карте не сыщешь, они уперлись в хвост глухой пробки. Сто лет не чиненный мост не выдержал почему-то именно в этот день и час. Грузеная австрийская фура передним колесом продавила дорожное покрытие, завалилась набок, рассыпала по мосту разноцветные упаковки.

Объезд занял на несколько минут больше, чем им было

отведено. Еще не показался аэродром, а сверху низвергся низкий утробный рев турбин. Офицер остановил машину, и Ясна стояла на обочине, запрокинув голову, пока железная птица не превратилась в точку, а точка в ничто, в белесые полосы реактивного следа.

Это было так обидно, так несправедливо! Ясна удержалась от слез перед русским офицером только потому, что однажды уже сумела удержаться от слез при посторонних – в девяносто четвертом в Кигали, когда шла, оглушенная, по липким лужам среди изрубленных тел.

Пружины и маятники – II

– Господин Стаут! Как представитель администрации Белого дома, считаете ли вы успешными прошедшие переговоры?

Этот конференц-зал Министерства иностранных дел не был рассчитан на такое количество журналистов. Разноцветные микрофоны российских и зарубежных новостных агентств почти загородили настольную подставку с двумя флажками – триколором и звездно-полосатым.

Советник президента США обворожительно улыбнулся, чуть щурясь от вспышек:

– Состоявшийся обмен мнениями дает повод для осторожного оптимизма...

В смежной с конференц-залом комнате был накрыт фур-

шет. Слова Стаута были прекрасно слышны и отсюда. В переводе с дипломатического на общечеловеческий сказанное не предвещало ничего хорошего.

Косарев подошел к Гладышеву:

– Что, бортанули с траншем?

В вопросе не было издевки, равно как и паники. Очевидное свершилось, только и всего.

Гладышев посмотрел на коллегу зло. Хотел нагрубить, но сдержался:

– Рассчитывал, что простят?

Раздраженно взял чашку кофе, вышел на балкон. Ветер и шум Садового кольца не стихали. Из зала донеслись заключительные аплодисменты.

Что делать, снова и снова думал Гладышев. Экономика просела настолько, что, подобно больному в терминальной стадии, принимала любую финансовую подпитку без какого-либо положительного эффекта. А в отсутствие таковой... Новый дефолт? Или просто распад государства?

На балкон вышел Стаут со стаканом воды. С удовольствием распустил узел галстука. Обратился к Гладышеву по-английски:

– Совсем загрузили, мой друг? Понимаю ваши заботы! Знаете, обожаю русские поговорки – такие емкие, точные.

И продолжил по-русски:

– Не потопаеть – не полопаеть! Или вот: сено к лошади не ходит!

– Впечатлен вашими познаниями! – ответил Гладышев по-английски.

Советник продолжил по-русски:

– Не для протокола, мой друг... Вот сено...

Стаут опустил стакан на перила и, придерживая его левой рукой, чуть в стороне поставил правую руку на четыре пальца, изобразив фигурку животного. Средний палец – голова – вытянулась в сторону стакана.

– Вот лошадь – многострадательная Россия. Ей нужно просто пройти по мосту... – советник начал перебирать пальцами, рука двинулась к стакану, – и взять сено. Но на полпути наездник разворачивает лошадь...

Стаут оторвал правую руку от перил, перевернул «лошадь» копытами вверх. Улыбнувшись по-американски, одними губами, забрал стакан и вернулся к фуршетному столу.

Глава 12

Путь Шаталова был определен и понятен. Передышка, свободный вечер, а с утра – в бой. Пока не раскрутился административный маховик, стоило позаботиться о пребывании в Москве. Оформившись в служебное общежитие и забросив вещи, Шаталов направился в город.

Два года, неполных два года Шаталов не был в России, и как же она изменилась! Спешащая все успеть Москва сбивала его с толку неистовым ритмом. Особая полубегущая походка людей в переходах намекала: торопись, иначе опоздаешь! Яркая цепкая реклама распространилась, как плесень, на каждом свободном уличном метре, хищно напознала слом на слой – на стенах, тротуарах, над головой и под ногами, на тумбах, на растяжках поперек улиц и проспектов, в газетах и журналах случайных попутчиков, в мусорных баках...

Город словно удвоил обороты после прошлогоднего кризиса. Миксер крутился на второй скорости, и пена взбивалась что надо.

Путаясь в числах, Шаталов снял со сберкнижки денег на текущие расходы. Долго разглядывал купюры без привычных цепочек нулей. Попытался разыскать школьного друга Лерика, давно осевшего в Москве, но по всем трем телефонным номерам отвечали бесстрастные автоматические голоса. Один предложил оставить сообщение, Шаталов попри-

ветствовал неуволимого друга и оставил свои координаты.

Купил пельменей и с позволения соседа, командированного с Урала, в его кастрюле сварил их на общей кухне. Сытость, усталость и непроходящее отчаяние сделали свое дело – Шаталов уснул, едва перебравшись из-за стола на узкую койку с провисающей панцирной сеткой. Отключился, как дачник в гамаке, даже раздеться не успел.

А со следующего утра начались долгие, вязкие дни. Рапорты, объяснительные, докладные записки – сколько же разных слов бюрократы придумали для практически одинаковых документов! Вскоре подключились узколицы и бесстрастные, как святые на старых иконах, военные следователи. Чередовались опросы и допросы. Оказалось, что между терминами есть какая-то ускользающая разница.

Сложнее всего было придумать, что же такого неправильного сделал бравый американский капитан Роджерс, чтобы вызвать шаталовский гнев. Вступил в разговор с российскими рядовыми? Неуважительно отзывался о ВДВ?

Следователи кивали, записывали показания майора-дебошира, переглядывались, едва заметно морщились. Я бы тоже ни слову не поверил, думал Шаталов, выливая на них очередные рассказы. Вот же у них работа!

Невозможно было бы сказать, сколько дней ушло на дачу показаний. Но они закончились самым важным визитом в долгой и почти безупречной карьере виновника всего этого кавардака.

Здание Командования воздушно- десантных войск, Москва

Апрель 1999 года

От близкого грохота отбойных молотков по асфальту в просторном коридоре чуть подрагивали стекла. Майор Андрей Иванович Шаталов, бледный, не до конца остывший после очередной беседы со следователем, с тонкой папкой под мышкой направился в самый конец бесконечно длинного этажа. Ему навстречу прошли два офицера медицинских войск, о чем-то негромко споря.

В приемной за широкой двустворчатой дверью старший лейтенант поднялся навстречу Шаталову и проводил его в кабинет:

– Проходите, вас ждут!

Шаталов распрямил плечи, шагнул за порог. Дверь мягко закрылась у него за спиной. Отдал честь, по-уставному глядя перед собой.

– Товарищ генерал-лейтенант! Майор Шаталов по вашему приказанию прибыл!

Из-за большого рабочего стола ему навстречу поднялся генерал Сомов, показал на место для посетителей.

– Садись, майор!

Когда Шаталов подошел, Сомов протянул ему руку. Хватка у генерала была прежняя, без скидок на возраст и штабную работу.

– Показания твои читал, а теперь давай своими словами.

Впервые за долгое время можно было говорить все как есть. Шаталов не заметил, как закончил рассказ.

– Вот так, Виктор Ильич, – сказал он, пытаюсь поставить точку. – Недоглядел, пришлось решать по ситуации.

Сомов, до того спокойный, внимательный и мрачный, взъярился не на шутку:

– Права у тебя нет на такой недогляд, майор! Каждый, каждый человек на счету!!! Ты видишь, что в мире творится?! Югославию восемь лет на куски херачили, сейчас добивают! Плевать им на ООН, а на нас и подавно! Почему? Потому что изнутри трещим. У нас своих бед – лаптем не расхлебать. Всю страну скоро по-семейному раздербанят, по норам растащат, помешать некому! И тут ты еще...

– Так точно. Виноват.

Сомов понемногу остыл, нахмурился.

– Придется изъять тебя из контингента и засунуть куда подальше, с глаз долой. Нормальную часть подберу, сложную, перспективную. Перекантуешься пару лет, подтянешь дисциплину, в том числе собственную. А там все уляжется, посмотрим, что с тобой дальше делать.

– А как же Босния, товарищ генерал?!

– Босния, – зло ответил Сомов, – не заметит твоего отсутствия! Останься тот обломок у американцев в руках... под трибунал все бы пошли: и ты, и Платов, и твой придурок сержант – охотник за сувенирами! Добыл, понимаешь, магнитик на холодильник!

– Так точно...

– Не перебивай! По «Стелсу» американцы доказать ничего не смогут. А вот по факту избиения их офицера вцепились в комбата не на шутку. Накатали телегу с фотографиями этого капитана: фас, профиль и рентген сломанного носа. Миротворцы, едрить! Подставил ты, Андрей Иванович, командира своего по полной программе!

– Виноват, товарищ генерал!

– Хрен ли толку, что виноват?! Из-за тебя Платов может из контингента вылететь!

– Никак нет!

– Что «неткаешь», Шаталов? Не тебе решать такие вещи! И даже не мне!

– Мы с полковником Платовым с Кандагара вместе. Мой косяк – мне и расхлебывать. Вешайте всех собак на меня.

Чувствуя, как предательски дрогнули руки, Шаталов распустил завязки папки. Думал, обойдется. Не обошлось. Он положил на край стола вымученный накануне рапорт.

– Защитите Платова! Вы же сможете, Виктор Ильич!

Сомов взял листок в руки. Прочитал, поднял взгляд на Шаталова.

– Ты что удумал, майор? Красивых жестов мне тут не надо! Ни красивых, ни глупых! Куда пойдешь, на гражданку?! Ты боевой офицер, у тебя призвание!.. Или ты со мной торговаться вздумал? За место в контингенте? Такое не пройдет!

– Никак нет! – ровным голосом возразил Шаталов. – Прошу рассмотреть рапорт. Выслуга лет позволяет мне завершить службу.

Замолчавшие ненадолго отбойные молотки заколошматили снова.

– М-да... – Сомов открыл ящик стола и опустил рапорт туда. – Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь... Твой контракт будет расторгнут по соглашению сторон. Посидишь сейчас в канцелярии, оформим все сегодняшним днем. Американцев попробуем успокоить липовой бумажкой о том, как ты был с позором уволен из рядов... и все такое. Платова я им не отдам.

– Спасибо, товарищ генерал, – сказал Шаталов сквозь окружившую его ватную пелену. – Разрешите идти?

Сомов посмотрел на него по-отечески:

– Как же ты так влип, сынок? Иди.

Шаталов встал, отдал честь и вышел. Сомов расстегнул верхнюю пуговицу кителя, дернул за ворот тельняшки, захотелось больше воздуха. Достал из шкафа графин с коньяком, плеснул в стакан. Выпил одним глотком.

Ватная тишина окружила Шаталова коконом. Он передвигался из точки в точку, из кабинета в кабинет, отвечал на вопросы, отдавал и брал документы, ставил подписи. Ожидая последнюю печать, стоял у окна, прижимался к стеклу горячечным лбом, смотрел, как рабочие в оранжевых касках быстро и бесшумно разбирают на куски тротуар и кидают в кузов грузовика черные ломти.

Потом он спустился на проходную, сдал пропуск сержанту охраны, вышел к телефонам и набрал номер.

– Я отстрелялся, Лерик, – сказал Шаталов. – Забери меня отсюда.

Вышел на широкое гранитное крыльцо. Хотел сесть на ступени, но постеснялся. К счастью, ждать пришлось недолго.

Мимолетное обещание Лерика – «Встречу, как отстреляешься!» – исполнилось не совсем так, как предполагал Шаталов. У тротуара скрипнуло шинами нечто черное и лакированное – назвать «транспортным средством» язык не повернется. Из водительской двери, как черт из табакерки, выпрыгнул пацан призывного возраста. Белая рубашка, галстук, кожаный пиджак.

– Андрей Иванович? – крикнул он Шаталову через капот. – Валерий Дмитриевич велел вас подобрать и доставить к

нему, садитесь скорее!

Шаталову не хотелось, чтоб его кто-то подбирал, да и чтоб доставлял – тоже не сдалось, но это же Лерик, с ним все всегда с ног на голову. Хотя мог бы и сам встретить, конечно.

Переднее пассажирское сиденье было задвинуто до упора вперед, из чего напрашивался вывод, что здесь принято садиться назад. Принято так принято.

– Сначала в общагу, – велел Шаталов и успел разглядеть в зеркале заднего вида недоумение в глазах водителя.

Адреналин гудел в голове, накатывал волнами, стучал набатом. И лучше бы забиться в какую-нибудь нору, переварить, осмыслить, успокоиться, но сейчас не хотелось «лучше», скорее наоборот.

Через пару часов Шаталов, уже в штатском, сдал куртку надменному гардеробщику ночного клуба. Мордоворот-охранник на входе в зал уставился с подозрением, словно взвешивал: сразу завернуть нездешнего мужика по дресс-коду или для приличия сначала перекинуться с ним парой фраз, а потом уже дать отлуп.

К счастью, двери рая распахнулись изнутри, выплеснули в холл басовый пульс музыки, гомон голосов, звяканье посуды, шальные лучи цветомузыки – и Лерика. Самоуверенного, жизнерадостного, одетого дорого и нарочито неряшливо. Он развел руками толпящийся на входе молодняк, как заросли камыша, и издал победный вопль:

– Шатай!

Подошел, обнял крепко, тут же отстранился, ухватил за плечи, повертел туда-сюда, бесцеремонно разглядывая. Покрутил Шаталова за подбородок, оттянул ему пальцем веко, нагнул голову, взявшись за затылок. Шаталов покорно ждал окончания экзекуции. Наконец Лерик отпустил его и вынес вердикт:

– Не, ну нормально в целом! Дырок на просвет не видно, руки-ноги по описи, блеск в глазах умеренный, без фанатизма. В хорошей форме себя держишь, Шатай!

Шаталов притянул его к себе, хлопнул пару раз по спине.

– Привет, чертяка! Тебе ли говорить! Смотрю, дефолт не в горсть! Что празднуем?

– Жизнь! Жизнь празднуем, Шатай! – прищурившись как кот, радостно ответил Лерик. – Пойдем-ка, пойдем. Сто лет тебя не видел. Вспоминал и то чаще, ха-ха!

Лерик повел его через общий зал насквозь, к балкону со столиками. Светомузыка била Шаталову в глаза, крутящиеся зеркальные шары дезориентировали. Школьный друг прокладывал курс сквозь танцпол, и Шаталов выхватывал из темноты и грохота светлые пятна лиц, беззаботные улыбки, обрывки фраз, веселые вопли.

– А мы в зале в этом будем? – крикнул он в спину Лерику.

– Обижаете, товарищ майор! Следуйте за мной!

Лерик провел Шаталова в отдельный кабинет, где их встретила относительная тишина и небольшая компания. За столом ближе ко входу ссутулился типичный клерк предпен-

сионного возраста – по крайней мере, Шаталов так представлял себе клерков – сальные волосы, заношенный костюм, кожаный портфель. Он макал кусок хлеба в тарелку с остатками салата. Стол ломился от еды и выпивки. В кресле в углу спала пьяная девушка.

Лерик с удовольствием показал на нее:

– Познакомься, Шатай, это Рита! Рита... не, не буду будить, болтливая – не заткнешь! А это наш Семен Аркадьевич...

Клерк задержался, сунул портфель под мышку.

– Да я поеду, пожалуй, Валерий Дмитриевич! У вас, вон, гости, разговоры, мне зачем? А про залоговую схему подумайте, дело стоящее.

Он неуклюже выбрался из-за стола, кивнул Шаталову, пожал Лерику локоть и протиснулся мимо них из кабинета. Лерик усадил Шаталова за стол, протянул руку за чистыми рюмками и бутылкой. Кивнул в сторону вышедшего Семена Аркадьевича:

– Упырь! Знаешь, как Дуремар, весь какой-то скрюченный, хлюпающий. Но хорошо, что наш упырь! Советская школа, Плехановский, фокусник, каких поискать. Их у меня целый взвод, ха-ха! Сидят такие, как Туполев в шараге, и творят!

– Что творят-то хоть? – Шаталов смотрел, как Лерик отточенным движением опрокидывает запотевшую бутылку в одну, потом другую рюмку.

– Вопрос в корень, Шатай! Мне тоже иногда кажется: не понимаю, что творят! Штуку баксов, допустим, в клювике приносят, а сколько при этом в карман кладут – даже думать противно! – Протянул рюмку. – Держи, за встречу! Горячий привет от мексиканских индейцев. Мескаль – пробовал? Хит сезона: пьется с лимоном, солью, потом научу. А на дне червячок вместо знака качества – красота! А сейчас – давай!

– Может, не надо – червячка? – уточнил Шаталов.

– Да не дрейфь, Дрюх, плохого не посоветую!

Зачлось за тост – чокнулись и выпили.

– Значит, дембельнулся. – Лерик устроился по другую сторону стола, придвинул к себе блюдо с салатом. – Не ждал, честно говоря! Думал, еще лет двадцать до генеральских лампасов корячиться будешь.

– Да я вроде не за лампасами...

– О! А зачем, Шатай? За пулей в задницу, что ли?!

Шаталов отвел глаза, пожал плечами. Лерик деловито пополнил рюмки.

Они дружили с первого класса и были при этом полной противоположностью друг другу. После школы их подраскидало, но друзья снова нашлись в девяносто четвертом – уже в Москве. Годом позже Шаталов получил направление в боснийский контингент. Еще пару лет корова языком слизнула. В девяносто седьмом Лерик появился сам, очень помог Шаталову с похоронами отца. Теперь вот – опять сидит рядом. Балагурит, хохмит, не унять. Без Лерика вообще было бы

невыносимо.

Час спустя вместо мескаля на столе оказалась водка. Лерик ел, поглядывая на захмелевшего одноклассника. Шаталова, по меткому выражению капитана Воронова, «пробило на патриотизм»:

– Никогда не задумывался, Лерик, как начинаются войны? Сначала кажется, что все решится миром. Что – да! – есть конфликт, но не убивать же друг друга из-за спора. А потом так – раз! – и понеслась! И когда приходим мы, уже поздно. Сражаемся с последствиями, а не с первопричиной.

Рита что-то сонно пробормотала. Лерик заулыбался, глядя на нее:

– Хорошенькая, а, Шатай? Двадцать два, последний курс – не помню только, чего. Танцует... как зажигалка!

– Понимаешь, там три стороны было. И религиозная почва, это самое тяжелое. Хорваты – католики, сербы – православные, а бошняки – вообще мусульмане. Но ведь договорились уже, как жить вместе. Оставалось только подписи поставить. Тут один едет в посольство к этим. Заокеанским, звездно-полосатым. Возвращается – словно подменили. Передумал, понимаешь? Передумал! А на другой день в Сараево снайпер валит двоих штатских...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.